Ольга Романова
Игра в Апокалипсис
Всё только начинается...
Сборник фантастических рассказов

Ольга Романова

Игра в Апокалипсис

Сборник фантастических рассказов

Ольга Романова

2014 – 2019

Перевозчик

«Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколеньям».
Данте Алигьери «Божественная комедия»

Сенатор открыл глаза. В глубине комнаты, во тьме, стоял человек.
- Вы кто?
- Перевозчик.
- Как вы попали сюда?
- Ты позвал.
Перевозчик вышел из тени в холодный, призрачный свет восходящей луны.
Высокий брюнет, коротко стриженный, чёрная футболка, небрежно заправленная в джинсы, здоровое, крепкое тело. Нет, его он не звал.
- Вы видно ошиблись адресом, мистер….
- Перевозчик.
«Чёрт», - мысленно выругался сенатор. – «Этого мне только не хватало».
Он провёл дрожащей рукой по воспалённому лбу.
«Как же болит голова…».
Тяжёлая, чёрная кровь, пульсирующей болью стучала в его голове. Боль была сильнее страха, которого он сейчас отчаянно ждал. Страх заставил бы боль уйти, заставил бы действовать. Но страха не было.
- Вы сказали, вас зовут Перевозчик. Это имя или…?
- Призвание.
Волна горячего гнева подкатила к горлу сенатора. Как смеет этот наглец так свободно вести себя с ним, с человеком, привыкшим видеть рядом с собой лишь

Ольга Романова

услужливых шлюх обоего пола, прикормленных им и рабски послушных его воле. Не желая казаться слабым, сенатор снова спросил, вкладывая в каждое слово всю свою ненависть и презрение к этому человеку:
- И чем же, позволь спросить, занимается Перевозчик?
- Помогает таким гнидам, как ты, благополучно сдохнуть.
Перевозчик смачно сплюнул на чистые полы спальни.
- Как это, сдохнуть? – не понял сенатор. – Ты киллер? Кто тебя нанял?
- Как ты думаешь, где ты сейчас находишься?
- Дома, конечно.
Сенатор был в бешенстве. Вот сейчас он закроет глаза, потом откроет и, если этот тип все еще будет стоять возле его кровати, он…, что-нибудь обязательно сделает. Только бы проснуться. Ведь это - всего лишь сон, один из его кошмаров, которые преследуют его с тех пор, как он стал сенатором. Конечно, он дома….
Слова Перевозчика ударили наотмашь, как в детстве, отец: холодно, больно, несправедливо:
- Здесь и сейчас кончается твоя поганая жизнь.
Сенатор вздрогнул. Спальня исчезла. Больничные стены, пахнущие смертью, окружили его подобно гончим, почувствовавшим запах крови. Его крови.
- Где это я?
Он увидел себя лежащим на операционном столе. Вокруг него суетились люди в больничной униформе.
- Мы теряем его, - услышал он чей-то взволнованный голос.
И страх пришёл. Но не тот, животный страх всепобеждающей жизни – взрыв адреналина в крови, а липкий, зловонный страх смерти, страх слабости, боли и тьмы.

Ольга Романова

«Нет, это не я. Только не я,» - мысли сенатора бились в голове испуганной птицей. – «Это какая-то ошибка. Это сон. Я не мог умереть! Я не могу умереть!»
- Эй! Вы…! Там….
- Они не слышат тебя.
Душа сенатора затрепетала.
- Как это не слышат? Я что, уже умер?
- Ты застыл в полушаге от смерти….
- Какой смерти?! Я всего лишь выпил лишнего! Из-за этого не умирают!
Сенатор бросился к Перевозчику.
- Скажи им, что я ещё жив!
Перевозчик сделал движение, будто смахивал с себя помойную муху.
- Не могу. Я всего лишь тень в мире без голоса. У меня нет ни силы, ни прав, ни… желания.
- Постой, Перевозчик, я заплачу тебе, сколько скажешь. Только, прошу тебя, скажи им, что я ещё жив! Я богат и влиятелен. Я сделаю все, что ты захочешь, только не дай мне умереть!
Перевозчик нахмурился.
- Вот из-за таких мерзавцев как ты, - сказал он холодно-жёстко, - мир и катится в пропасть. Ты думаешь, всё можно купить, но время – не вещь, оно не подвластно человеческому «хочу». Ты умрёшь….
Сенатор завыл. Его покрытое морщинами квадратное лицо с близко посаженными глазами, орлиным носом и тяжёлым подбородком, исказила гримаса ужаса. Впервые в жизни он не контролировал ситуацию.
Он никогда не думал о смерти, потому что был здоров как бык и богат как арабский шейх. Да, он был богат, потому что умел жить. «Деньги не пахнут», - часто цитировал он избитую фразу. И деньги любили его.

Ольга Романова

«Джонни Всё-схвачено» - прозвище, полученное им в старших классах «Кинкейда», голодным паразитом, проросло в его тёмной душе, год за годом, отравляя сердце холодной завистью к тем, кто был выше его: богаче, успешней, добрее.
Джон Биттер младший не был праведником; божьи и человеческие законы были бессильны против его любви к роскоши, женщинам и дорогому вину. Ни церковь, в которую он никогда не ходил, ни семья, которую он оставил ради карьеры, не смогли удержать его в лоне добродетели. «Выживает сильнейший», - любил повторять сенатор. И он был сильным. Поэтому, мысли о смерти никогда не посещали его. Сколько раз, он осуждал на смерть других, посмевших встать у него на пути, - его пути. Сколько раз, его враги подсылали к нему убийц, и он не боялся. Почему же сейчас он так напуган и растерян, как преступник, пойманный за руку на месте своего позора? Мысль о неизбежности приводила его в отчаяние.
- Я не хочу умирать!
- Поэтому я здесь.
Душа сенатора потемнела.
- Нравится смотреть на боль?
Перевозчик подёрнул плечами.
- Я здесь потому, что я проклят видеть таких как ты, слышать таких как ты. Моя обязанность помогать всякого рода проблемным типам, вроде тебя, поскорее покинуть этот мир. Понимаешь, о чем я?
- Нет.
Перевозчик вздохнул.
- Ты не наелся жизнью, Джонни. Здесь твой Эдем и разум, прикованный к ненасытному телу, противится смерти. Ты цепляешься за жизнь, захламляя пространство привычными для себя образами. Твоя душа больна. Это её отчаянный крик слышал я ночью. Она смертельно устала.

Ольга Романова

Я здесь, чтобы сказать тебе: «Джонни, смирись и позволь ей стать снова свободной».
- Я не готов!
- Никто не готов. В мире без Бога жить, конечно, удобно, но вредно. Каждую ночь я встречаюсь с «последствиями» подобной жизни и все не готовы. Благополучию Бог не нужен. Только нужда или святость мечтают о Нём.
- Бред какой-то, должен же быть выход, со всяким можно договориться….
- Только не с Ним.
Сенатор вздрогнул.
- Я должен вернуться!
- Зачем?
- Я думал, что все эти разговоры о душе, карающем Боге - ложь, придуманная евнухами, чтобы пугать нормальных людей. Я буду проклят.
- Что верно, то – верно, - согласно кивнул Перевозчик.
- Почему мне никто не сказал? Я должен был знать!
- Смешной ты, сенатор. Богу не нужен злой раб, таящий зло в надежде, что его не накажут.
Джон Биттер закрыл руками лицо.
- Так не бывает.
- Что тебе не понятно, Джонни? Ты жил как хотел, - время получить по заслугам. Каждый день священники в храмах внушают эту простую истину редеющей пастве. Все знают, но мало кто верит, считая идею воздаяния, отжившим своё, предрассудком обманутых церковью масс. Люди теперь свободны. Грех больше не грех, а образ жизни….
- Мне страшно.
- Я бы сказал, что раньше нужно было бояться, но, что толку говорить тебе это сейчас, на пороге твоей заслуженной вечности.
- Это не честно, - простонал сенатор.

Ольга Романова

Тишина застыла в полушаге от Смерти, со знанием дела расправляющей складки на, приготовленном для Джонни, саване.
– Исповедаться, – прохрипел своё последнее желание Джон Биттер. - Я хочу исповедаться.
Перевозчик пожал плечами.
- Я не священник….
- Ты Перевозчик, я понял и.., ты мне не нужен. Я буду исповедоваться Тому Единственному, Кто захочет услышать меня.
Впервые в жизни сенатор молился. Как это бывает, вдруг, ему открылась вся правда о его жизни; обжигающий душу стыд накрыл его голову огненной епитрахилью. Как же виноват он был перед Богом и людьми! Впервые в жизни, он сам судил себя и, по своему суду, не было ему прощения. Ах, если бы Бог дал ему хотя бы год, он все бы исправил. Он раздал бы всё своё богатство бедным и сам стал бы прислуживать им. Он попросил бы прощение у каждого, кого когда-то обидел. Ах, если бы Бог дал ему хотя бы год жизни!
Перевозчик стоял поодаль, наблюдая за тем, как толстый, испуганный человек просит о чуде. Сколько он видел таких: богатых, бедных грешников, - скользящих над пропастью слепых безумцев. Он приходил к ним, потому что они мешали ему. Потому что всякий раз, ему приходилось умирать вместе с ними, пока он не научился сбрасывать их с себя, как сбрасывают грязную одежду после долгой работы. Он выпроваживал их из своей жизни, как выпроваживают незваного гостя, с облегчением и досадой за потраченное время. Кто они были для него? Чужие люди, без разрешения, вошедшие в его пространство.
Нелепая авария, разделившая жизнь молодого кадета на до и после, - путь, который выбрал его из многих

Ольга Романова

случайных жизней. Он принял этот крест как данность, как врождённый недуг, от которого невозможно избавиться, но можно жить, подстраиваясь под страшную реальность, несуществующего для большинства, мира. Он научился покидать свое тело, чтобы беспрепятственно перемещаться в пространстве. Он научился общаться с демонами, без вреда для своей психики - ведь он, всего лишь посредник между миром людей и миром духов. Ангела он видел лишь однажды, когда, по ошибке, пришел в дом старого художника. В отличие от его клиентов, художник уходил с радостью и надеждой на лучшую жизнь. Вспышка света и неизъяснимый покой - всё, что осталось в памяти. Праведники не нуждались в его услугах. Его подопечные были далеки от творческого смирения и любви к ближнему и не желали покидать этот мир, предчувствуя во снах, что в ином мире ничего хорошего для них не уготовано.

- Господи! - сенатор издал вопль, от которого, казалось, содрогнулась сама преисподняя. – Помилуй меня, грешного!

В последнюю секунду, Джон Биттер вспомнил картины безумца, странного художника, писавшего Свет. Художник нуждался и он, зачем-то, помог ему: необъяснимый порыв, движение пленённой души, прикосновение детства - непозволительная слабость, о которой он тут же заставил себя забыть.

Художник давно умер, но, за мгновение до смерти, сенатор, вдруг, увидел его, стоящего с Христом, и слова о спасении сами вырвались из его уст.

Душа сенатора исчезла.

«Ещё один», - не весело отметил Перевозчик.

Он не был стар, но смерть не спрашивает возраста. Она приходит, подчиняясь тихому зову времени, шёпоту пепла в песочных часах. Как сам он поступит, когда безликий

Ольга Романова

вестник постучится к нему? Кто проводит его? Где, то место, куда отправится он, - приговорённый собой судия?
- Что за черт! - возглас одного из врачей вывел Перевозчика из мрачного оцепенения.
Серый, больничный саван на теле покойника, вздрогнул. Джон Биттер судорожно вздохнул и резко сел, дико таращась по сторонам. Тело его дрожало. Не замечая врачей, замерших в страхе возле воскресшего, сенатор крикнул в пространство:
– Он дал мне год!
Перевозчик, по-доброму, улыбнулся.
- Сукин сын, всё-таки, выпросил себе отсрочку.
Это был первый случай в его работе, когда человек получал шанс исправить то, что он сделал: вольного или невольного, но всегда, такого далёкого от любви.
- Что ж, встретимся через год, Джон Биттер младший. Если только….
Мысль, постепенно, гасла в темноте спальни. Перевозчик спокойно заснул.

Пенза, 2014 - 2017

Мечта

Никогда не поздно уйти из толпы.
Следуй за своей мечтой, двигайся к своей цели.
Бернард Шоу

Ольга Романова

Дождь, ливший всю ночь, ещё отдавал последнюю влагу холодной земле, а небо уже смотрело на землю сквозь тучи, мирным, глубоким кобальтом. В комнате окнами в сад, пылающий всеми оттенками пурпура, за столом, на бамбуковых стульях, сидели отец и сын. Внимательный взгляд отца и плотно сжатые губы говорили о том, что мужчина был занят чем-то очень серьёзным. Всё в нём: и тело, и разум, и дух пребывали в работе. Мастер творил.

Поддавшись неведомой силе, сын пребывал в молчании. Он смотрел как отец, с великим старанием, вставлял механизм в чучело желтогрудой синицы, провожая жадным до знаний взглядом каждый вздох, каждую мысль почтенного мастера.

Солнце отмерило полдень, когда мальчик, снедаемый мыслью, решил потревожить отца:

- Отец, ты - Мастер Золотой клетки, ты ловишь синиц..., только синиц. А как же другие птицы?

- Да, я - Мастер Золотой клетки вот уже десять лет, - ответил мужчина, прилаживая на место железное сердце игрушечной птицы. - До меня, мастером был старый Ван Ли, а до старого Ван Ли был Сы Чу Эй, а до него...

- До него был безбородый Ху Вей. Я помню....

Сын, много раз, слышал от отца историю о Великих Мастерах Золотой клетки, вплоть до Первого Мастера Ду Фу, первым из людей научившегося делать игрушки для Императорского Дома из чучел желтогрудых синиц.

Ольга Романова

Механическая птица была точной копией настоящей. Она жила в золотой клетке, умела петь, хлопать крыльями и даже, перелетала с ветки на ветку, как живая.
- Я подумал, - несмело продолжил мальчик. - Бабушка Джоу рассказывала мне об Императорском журавле, что живет далеко в горах. Его перья из чистого золота, а глаза как два изумруда. Если бы у тебя был такой журавль, Император дал бы тебе столько денег, что тебе не нужно было бы больше ловить синиц. Ты мог бы….
Мужчина нахмурил брови и, не дав сыну закончить мысль, строго сказал:
- Лучше синица в руках, чем несуществующий журавль в небе. Вот уже двадцать лет я ловлю синиц и десять лет я делаю из них игрушки для Императора. Эти синицы нас кормят. Какое мне дело до журавля, которого никто никогда не видел. Мечтами живут лишь лентяи. Я запрещаю тебе думать о птице! Вырастешь, будешь ловить синиц, и когда-нибудь, при великом старании, тоже станешь Мастером Золотой клетки.
Сын промолчал, но про себя подумал, что, когда вырастет, он обязательно найдет Императорского журавля.
К пятнадцати годам сын научился ловить синиц и делать из них игрушки даже лучше отца, но мысль о журавле не давала ему покоя. Однажды ночью, он сбежал из дома, оставив записку, что не вернётся к родным, пока не поймает Императорского журавля.
Много лет он скитался по миру в поисках мифической птицы, исполняющей священный танец под звуки небесной флейты. Говорили, что танцуя, журавль впадает в транс и в это время он уязвим, что танцем своим он славит бога, ничего не слышит и не видит вокруг и только тогда человек может подкрасться к нему чтобы убить.
Как-то, сидя на берегу быстрой реки, юноша услышал, как поёт тростник, подчиняясь дыханию ветра. Он вырезал из

Ольга Романова

тростника флейту и выучился на ней играть, подражая природе. За несколько лет, мальчик достиг такого совершенства, что люди стали звать его Поющий Ветер. Ему казалось, что, если он нарисует свою мечту, она непременно сбудется. Он начал рисовать журавля и со временем, стал таким искусным художником, что люди стали говорить про него, что нет ему равных под небом. Слава о нём росла, но он продолжал искать свою птицу. Прошли годы и, однажды, на вершине Одинокой горы, играя на флейте, он увидел, как в лучах заходящего солнца, к нему спускается птица, подчиняясь божественным звукам. Перья из чистого золота горели огнём и казалось не птица, - сам бог спустился с небес излить свою бесконечную радость над миром. Императорский журавль танцевал свой танец, не замечая Поющего Ветра. Мечта мальчика была рядом. Нужно было только протянуть руку.

- Странно, - подумал мужчина. - Я столько лет мечтал поймать его, а теперь я не хочу убивать эту прекрасную птицу, чтобы сделать из неё игрушку для Императора.

Закончив играть, он опустил тростниковую флейту и тихо сказал:

- Спасибо тебе журавль. За годы, что я искал тебя, я многому научился. Ты был моей мечтой, а стал вершиной, ради которой я совершенствовал тело и душу. Я познал радость творчества с которой ничто не может сравниться, и я не стану убивать тебя в угоду человеческой глупости. Человек должен мечтать, чтобы видеть смысл жизни![1]

Лети посланник небес и будь счастлив!

Журавль взмыл в небо, оставив на земле золотое пёрышко: маленький лучик света в сгустившейся тьме.

1. Человек должен мечтать, чтобы видеть смысл жизни. - Вольтер

Ольга Романова

Пенза, 2014

Встреча в горах

Посвящается художнику Валентину Массову.

«И Свет во тьме светит, и тьма не объяла Его».
Евангелие от Иоанна (1:5)

Сюжет основан на реальных событиях.

Сон. Никто не знает, почему и главное, зачем мы видим сны. Говорят, что это подлинная реальность пытается пробиться через наше освобождённое сознание, предупреждая о будущем.

Это был сон. Или почти. Полуявь, где разум, как в детстве, с радостью воспринимает то, над чем обычно смеётся, погружённый, как в омут, в тусклую, непрозрачную обыденность дня. Свет сошёл во тьму, где плакал одинокий Адам, навсегда заблудившись в мире гаснущих звёзд….

Дорога от Иссык-Куля вела нас дальше, вверх, в горы, на красные скалы. Солнце стояло в зените, когда Володя, самый старший из нас, сказал, что можно устраивать лагерь.

- Всё, приехали! Дальше дороги нет.

Старый «уазик» охнул и замер, поддавшись тишине благословенной сини, миллионы лет изливающей на ослепших людей неиссякаемую радость совершенного бытия. Сашка вылез первым, растирая затёкшие ноги.

- Красота-то какая! – сказал он, щурясь на солнце. – Ну, что, товарищи-художники, творческий сезон одна тысяча девятьсот семидесятого года, считаю, открытым! Ударим искусством по….

- Сначала палатку поставь, - перебил его Володя.
- Ну, вот, испортил такую речь! Эх, не романтик ты, Вовка. Брал бы с Вальки пример. Посмотри на него: опять не на грешной земле. Эй, Валентин!
- Я помогу….
- Куда уж тебе, - Сашка лукаво улыбнулся. – Посмотри, дрожишь, как жених на брачном пиру. Это ведь твоё первое свидание с горами?
- Да….
- Ну, так иди, вкушай свой запретный плод, художник! Только не заблудись. Горы – они не любят…
Последних слов я не услышал. Ноги сами несли меня прочь, вверх от бренного мира, туда, где небо ласкало вершины гор могучей, бездонной синью. Я задыхался от счастья.
Красота в каждом вздохе. Глаза ребёнка открыты. Он смотрит. Время не властно.
- Я перешёл черту, - подумал я. Или это кто-то другой эхом шепнул мне в ухо.
Там, внизу, - цвет солнца и запах альпийского луга, здесь, как последний вздох, - ледяное безмолвие гор. Ноги в ботинках промокли, но я не заметил, - лишь звенящая тишина пространства, сошедшая из ниоткуда, давила на уши вселенским молчанием Слова.
Я стоял, не смея тревожить покой. Звёзды, холодной пылью, блаженно таяли на моём лице. Я чувствовал вечность, где времени нет: пустой циферблат на млечном пути – ни прошлого, ни будущего, – только сейчас и всегда, как живое пространство, уходящее в непостижимую бесконечность.
Очнулся я от присутствия. Передо мной, на камне, цвета невинной крови, маленькой белой каплей, стоял горностай. Чёрные глаза-бусины смотрели на меня с любопытством, без страха.

- Зачем ты здесь?
Зверёк повернулся в сторону заходящего солнца, спрыгнул с камня и растворился на белом, ослепшем снегу. Это был знак: пора возвращаться.
Я быстро спускался вниз со снежных вершин к холодному, мокрому щебню. Идти стало легче. Серый туманный сумрак гнал меня вниз к альпийским лугам. Я почти бежал, когда, впереди себя, услышал чистый, хрустальный звук: слева направо, не касаясь земли, бежали, а может, летели три белых оленя с золотыми рогами. В гордом величии плыли они над землёй – духи вершин спустились на грешную землю.
Поравнявшись со мной, троица остановилась: три головы, как одна, повернулись ко мне в славе незримого духа. Я замер. Что-то случилось….
Сон или явь, или древнее нечто проникло мне в душу. Передо мной открылась картина рая: альпийский луг с оленями, дальше степь до самого Иссык-Куля, озеро, за озером снова степь, за степью горы, гряда за грядой, - и так, в бесконечность. И всё это залито солнцем.
Красота, от которой упорно бежит человек в мир понятный, согласный с грехом, красота, наполненная Светом и Мыслью, говорила со мной гармонией.
Пространство входило в меня, и я был пространством. Я увидел себя на берегу озера. Косые лучи заходящего солнца падали в воду, чтобы подняться над ней золотистым туманом. И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога. [1] Я пребывал в созерцании.
Настоящий художник подобен монаху, только в миру. Путь его ясен: «Будьте совершенны, как Отец Ваш небесный.» [2] Всякая тварь под небом стремится к Свету, - кроме человека, упорно бредущего к бездне. Тьму избрал

он началом и тьма - его свет, - множится вместе с грехом, предавая невинные души духу сомнения.
Я воспарил над небом. Всё выше, выше, пока не открылось иное пространство и в этом пространстве – наша планета. Я увидел, как чёрные клинья зла мечами вонзаются в Землю, - всё глубже. Одно движение и планета исчезнет. Ужас сковал моё тело. Я вспомнил молитву, что в детстве, тайно, хранила меня: «Господи! Помилуй нас грешных…».
Я молился день, год и вечность. Постепенно, между клиньями зла стал появляться Свет. И чем больше я молился, тем Свет становился сильнее, и тьма отступила.
Я снова стоял на берегу озера. Свет приближался. Страха не было. Была любовь – надмирная, всепрощающая, дыхание Жизни, из Которой всё и без Которой ничто невозможно.
Свет приблизился ко мне настолько, что силу его невозможно стало переносить.
- Ещё немного и я не вернусь.
И вдруг я понял, я не хочу возвращаться. Голод, война, сиротское детство, зависть коллег: "Ты зачем эту чистоту людям показываешь? Ты зачем этой чистотой людей раздражаешь?"
Я вспомнил Аркадия Пластова, встречи с которым давали мне силы нести свой талант, не слыша злобных криков толпы: «Бездарен! Не наш!»
- Валька, - говаривал он, – Бог дал тебе драгоценный глаз. Работай так, как Бог на душу положит и никого не слушай. Сейчас много хулиганов в искусстве. Единственный мой тебе совет, не продавай своей души. Художник - творец, содеятель Богу на земле. Призвание его показывать правду о вечном - красоту изначальную, не осквернённую миром, чтобы помнил Адам кто он,

откуда и куда он должен вернуться. Что свяжешь на земле, то будет связано на небесах. [3]
Уйти не связав?
Я шёл по наитию, не видя дороги, на ощупь, туда, где был нужен…. Мне так казалось.
Вот и палатка. Возле костра Володя и Сашка о чём-то беседуют. Я вошёл в свет, усталый, счастливый. Что-то было во мне, во взгляде, что заставило замолчать, удивиться.
- А мы уж хотели идти искать тебя с зарёй, - выдержав паузу, выдохнул Сашка. - В горах одному быть опасно.
- Я был не один, - ответил я тихо.
Володя протянул мне кружку горячего чая, пахнущего мятой.
– Странный ты, Валька. На, вот, согрейся.
Мы пили чай под пение цикад. Огромные звёзды плыли над миром.
Я был не один.

1. И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога. Откровение Иоанна Богослова (8:4)
2. Будьте совершенны, как Отец Ваш небесный. – Евангелие от Матфея (5:48)
3. Что свяжешь на земле, то будет связано на небесах. – Евангелие от Матфея (16:19)

Пенза, 2015 – 2018

Я вижу Свет издалека…

Ольга Романова

Поэт улыбнулся в предчувствии строк, тайной сходящих в душу из Великого Ниоткуда, чтобы родиться на белом листе чистой, возвышенной мыслью. Всякий раз, касаясь пером бумаги, он ждал, надеялся, что чудо случится: из ничего родится удивительное, иррациональное Нечто, неподвластное земным законам; словно ангел, пролетая над миром, светлой печалью коснётся земли, соединяя пространства. Летнее утро, беспечное, по-детски наивное, каким только может быть утро летом, когда пригретая солнцем манящая жизнь каждым мгновением славит Творца, тихим шёпотом тёплого ветра постучалось в скромную келью:

– Здравствуй, Поэт.

– Здравствуй, доброе утро. Я видел: в бескрайних тягучих туманах бродит крылатый Пегас. Чуть слышным журчаньем ручьёв, брызгами счастья шепни ему в ухо: «Друг тебя ждёт». Мы вместе, как прежде, помчимся навстречу мечте в далёкое, чистое детство, где люди, как боги, добры и наивны, где небо так близко, а звёзды большие, где смерти нет, где…

– Только жизнь, – звонкой малиновкой вторило Утро.

Утро любило Поэта – пророка любви, дарившего его своей улыбкой, когда зарёй окрашенный восток на всю вселенную провозглашает Слово. Утро жалело Поэта: вечный скиталец в мире кровавых рассветов, мир приносящий и миром гонимый ребёнок. Утро хранило Поэта золотистым туманом далёких счастливых миров,

Ольга Романова

надмирным Эдемом, куда возвращаются души, пройдя сквозь земное горнило.
Поэт любил тишину; в тишине рождались заветные строки. Суетность мира роем ненужных мыслей, жёсткой перкуссией глушит небесные струны, заражая пространство серым безверием масс; оглушённый Адам, лишённый отчего дома, бродит по чёрной пустыне в поисках счастья.
Голос неба в журчанье ручьёв, дыхании ветра – там, где покой, чистота и любовь, – нужно только услышать. Свет, застывший в каплях росы, бархат неспелых яблок, недвижная гладь отражённого неба – мир преходящий и вечный в сознании Вечного; чудо случилось. Строки метнулись – резвые кони, молнией мысль озарила пространство и время. Гордый Пегас расправил белые крылья…

Я вижу Свет издалека:
Его венчают три дороги.
Оставим скучные тревоги,
Мой друг…

***

– Сашка, чёрт окаянный! Опять мараешь бумагу?! – пронзающий сердце крик Розы Шайтановны из соседней железной клети беспощадной ордой врезался в тишину, круша и ломая гармонию летнего чуда. – Когда же закончится это безобразие! У всех ночь, а у него, понимаешь ли, солнце светит, птички поют! Прикрой вентиляцию, ирод! Твой свет мешает нам спать!

Ольга Романова

– Розочка, тише, – зашептал на жену Семён Семёнович. – Свет не худшее в нашей жизни. Мы не видели солнца с Великой Трёхдневной войны. Всё зима да зима…
– Ну и что, что зима. Зато как у всех!
Семён Семёнович Борщиков тихо вздохнул, не смея перечить супруге.
«Нам ещё повезло, – думал он, лёжа на жёстких казённых нарах подземного убежища. – Десять тысяч счастливчиков, укрытых от сгоревшего в ядерном апокалипсисе мира бетонными плитами, лишённые света, на скудном пайке – небольшая плата за жизнь… Господи, кого я обманываю? Навозные черви и то счастливее нас».
Семён Семёнович тихо заплакал.
Где-то глубоко внутри, там, где душа бьётся о ватные стены глухого сознанья, Семён Семёнович отчаянно завидовал Поэту, чья вера рождала новое утро снова и снова. Как давно это было: синее небо, высокое солнце, чистый прозрачный воздух, пьяный от летних трав…
– Мы всё потеряли…
Втайне от всех он тоже писал стихи: об утраченном мире, о жизни, лишённой смысла, несбывшихся надеждах, непознанной любви. Мысль, что и он немного поэт, согревала робкое сердце отставного полковника.
Свет из вентиляции погас. В воцарившейся тьме Семён Семёнович Борщиков тихо придвинулся к потному телу супруги и робко спросил:
– Может, нам пригласить его в гости? Всё-таки двадцать лет как соседи…
– Вот ещё взял – звать сумасшедшего в гости, – Роза Шайтановна громко зевнула. – Завтра пожалуюсь Управбункеру. Пусть поставит вопрос о выселении его наверх, в «любимые дали», подальше от нормальных людей. Хватит с нас его света!
– Он же погибнет…

Ольга Романова

– Тебе-то что, спи.
Семён Семёнович Борщиков послушно закрыл глаза. Привычная тьма сошла в его сердце. Он тихо уснул, не смея перечить супруге.

***

Творчество есть тайна Рождающего, область за гранью, где поверженный разум покорно безмолвствует; мир вне времени, где прямая и круг – суть Единого. Путь к совершенству – «небошественный восход, начало которого – отречение от земного, а конец – Бог любви»[1].
Человек – сопричастник предвечной гармонии; рождённый свободным, что выбирает он? Тьму. Сожжённый Эдем, где властвует время, где боль как спасение падшей душе. Раб похоти, предавший душу, бичующий и мучимый огнём желаний. Лжегосподин на миг, приговорённый к смерти. Что создал он? Мир проклятый, пустыню смрада; преступник и палач в одном лице, он сам приговорил себя к пожизненному сроку, отринув Свет.
Плач ангелов доносится с небес. Плач по потерянному сыну, заблудшему во тьме, в беспамятстве: кто он, откуда. Песчинка в чёрном океане страха, безумец, позабывший дом, откуда вышел он во тьму порока.
Кто скажет падшему, что тьма не мир, в котором он, слепец по жизни, существует? Что сделать, чтобы музыка небес вошла гармонией глухому в душу? Как быть, когда весь мир шагает в ногу к бездне?
Небо рождает Поэта – пророка любви, отдавая невинного в руки безумцев, чтобы глаголом жёг он остывшие души, наполняя ветхий сосуд надеждой и верой. Чтобы пламенем сердца освещал он дорогу идущему, жертвой своей вывел из мрачного ада.

Ольга Романова

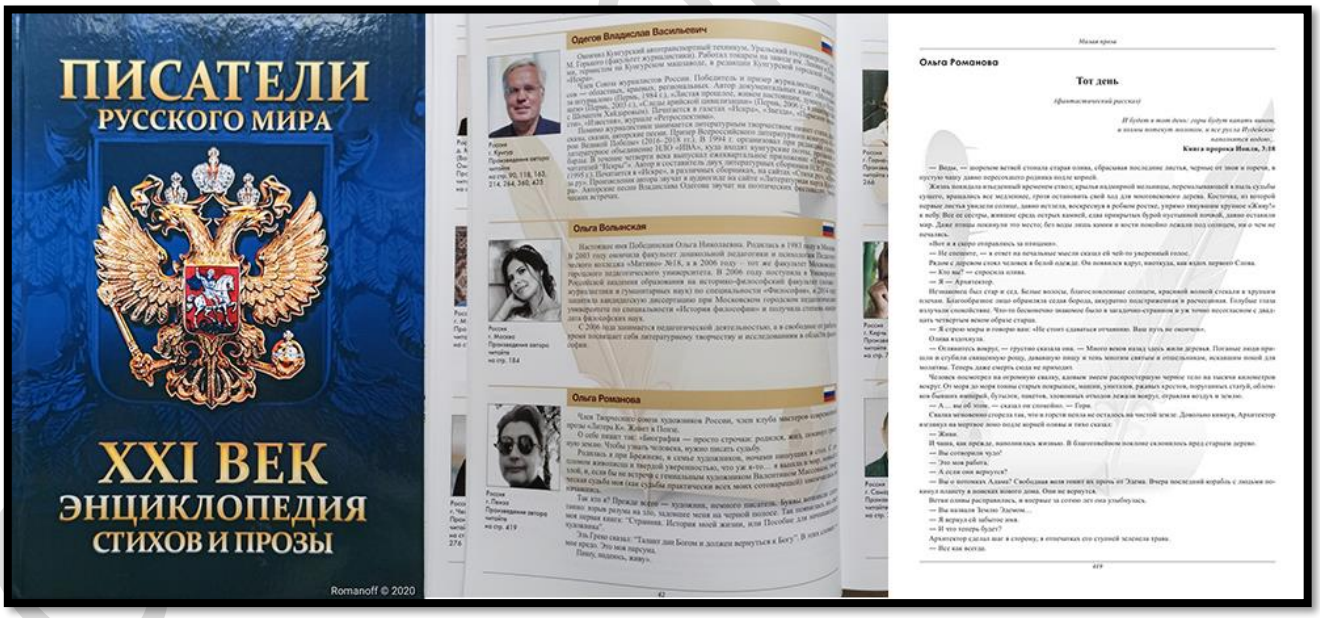
Почему же, как дикие звери, кусаете руку дающего?
Почему кричите, ослеплённые злом: «Ату его! Распни!»
Вы тоже поэты? Почему же так мерзок ваш крик?

1. …небошественный восход, начало которого – отречение от земного, а конец – Бог любви. – Преподобный Иоанн Лествичник «Лествица».

Пенза, 2017

Тот день

И будет в тот день: горы будут капать вином и холмы потекут молоком, и все русла Иудейские наполнятся водою...
Книга пророка Иоиля 3:18



- Воды, - шорохом ветвей стонала старая олива сбрасывая последние листья чёрные от зноя и горечи в пустую чашу давно пересохшего родника подле корней.

Жизнь покидала изъеденный временем ствол; крылья надмирной мельницы, перемалывающей в пыль судьбы сущего вращались всё медленнее, грозя остановить свой ход для многовекового дерева. Косточка, из которой первые листья увидели солнце давно истлела, воскреснув в робком ростке упрямо тянувшим хрупкое: «Живу!» к небу. Все её сёстры, жившие среди острых камней, едва прикрытых бурой пустынной почвой, давно оставили мир. Даже птицы покинули это место; без воды лишь камни и кости покойно лежали под солнцем ни о чём не печалясь.
«Вот и я скоро отправлюсь за птицами».
- Не спешите, - в ответ на печальные мысли сказал ей чей-то уверенный голос.
Рядом с деревом стоял человек в белой одежде. Он появился вдруг, ниоткуда, как вздох первого Слова.
- Кто вы? – спросила олива.
- Я – Архитектор.
Незнакомец был стар и сед. Белые волосы, благословлённые солнцем, красивой волной стекали к хрупким плечам. Благообразное лицо обрамляла седая борода, аккуратно подстриженная и расчёсанная. Голубые глаза излучали спокойствие. Что-то бесконечно знакомое было в загадочно-странном и уж точно несогласном с двадцать четвёртым веком образе старца.
- Я строю миры и говорю вам: «Не стоит сдаваться отчаянию. Ваш путь не окончен».
Олива вздохнула.
- Оглянитесь вокруг, - грустно сказала она. - Много веков назад здесь жили деревья. Поганые люди пришли и сгубили священную рощу дававшую пищу и тень многим святым и отшельникам, искавшим покой для молитвы. Теперь, даже смерть сюда не приходит.
Человек посмотрел на огромную свалку, адовым змеем, распростёршую чёрное тело на тысячи километров вокруг.

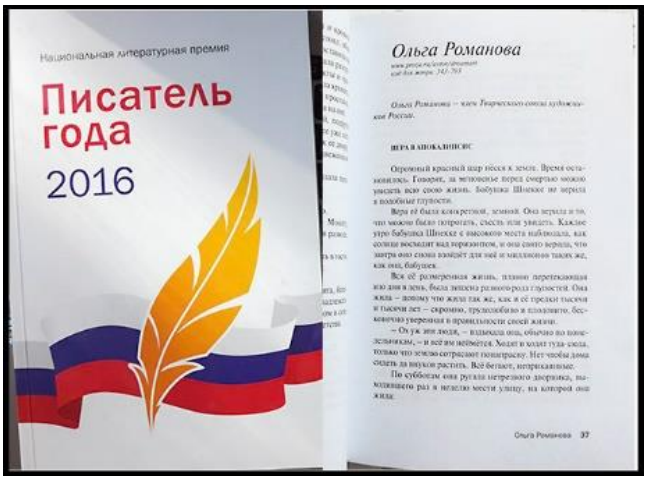
Ольга Романова

От моря до моря тонны старых покрышек, машин, унитазов, ржавых крестов, поруганных статуй, обломков бывших империй, бутылок, пакетов, зловонных отходов лежали вокруг, отравляя воздух и землю.
- А…, вы об этом, - сказал он спокойно. – Гори.
Свалка мгновенно сгорела так, что и горсти пепла не осталось на чистой земле. Довольно кивнув, Архитектор взглянул на мёртвое лоно подле корней оливы и тихо сказал:
- Живи.
И чаша, как прежде, наполнилась жизнью. В благоговейном поклоне склонилось пред старцем дерево.
- Вы сотворили чудо!
- Это моя работа.
- А если они вернутся?
- Вы о потомках Адама? Свободная воля гонит их прочь от Эдема. Вчера последний корабль с людьми покинул планету в поисках нового дома. Они не вернутся.
Ветви оливы расправились и впервые за сотню лет она улыбнулась.
- Вы назвали Землю Эдемом….
- Я вернул ей забытое имя.
- И что теперь будет?
Архитектор сделал шаг в сторону; в отпечатках его ступней зеленела трава.
- Всё, как всегда.
Он вытянул руку и прямо из ладони, чудесным образом, вылетела пичуга, уселась на ветку оливы и громким, радостным щебетом, возвестила о новом дне.
- Будет новая жизнь.

Пенза, 2019

Ольга Романова

Игра в Апокалипсис



Огромный красный шар нёсся к земле. Время остановилось. Говорят, за мгновенье перед смертью, можно увидеть всю свою жизнь. Бабушка Шнекке не верила в подобные глупости. Вера её была конкретной, земной. Она верила в то, что можно было потрогать, съесть или увидеть. Каждое утро бабушка Шнекке, с высокого места, наблюдала, как солнце восходит над горизонтом, и она свято верила, что завтра оно снова взойдёт для неё и миллионов таких же, как она, бабушек. Вся её размеренная жизнь, плавно перетекающая изо дня в день, была лишена разного рода глупостей. Она жила – потому что жила, так же, как и её предки тысячи и тысячи лет – скромно, трудолюбиво и плодовито, бесконечно уверенная в правильности своей жизни.

- Ох уж эти люди, - вздыхала она, обычно по понедельникам, - и всё им неймётся. Ходят, и ходят, туда-сюда, только что землю сотрясают понапрасну. Нет, чтобы дома сидеть, да внуков растить. Всё бегают, неприкаянные.

По субботам, она ругала нетрезвого дворника, выходившего раз в неделю мести улицу, на которой она жила:

Ольга Романова

- Вона, разбушевался, окаянный. Смотри, какую бурю поднял. Света белого не видно. Словно чёрт на поминках…
Бабушка Шнекке не была злой. Просто, она любила порядок. Солнце восходит на востоке и заходит на западе, день сменяет ночь, всё рождается и, в положенное время, умирает. Так было и так будет. Сколько, она не знала; да и незачем ей было знать, что будет потом и сколько это «потом» будет. Она жила настоящим, всегда только настоящим, не помня прошлого и не задумываясь о будущем.
Дети её давно выросли и обзавелись собственными семьями, и сейчас, бабушка Шнекке жила для них, помогая чем можно.
С самого утра она готовилась отправиться к старшему сыну, «смотреть маленького». Внуки были её гордостью, верой и смыслом жизни.
- Ну а чем ещё жить, – искренне удивлялась она, - как не внуками? Неужто, как этот старый, одинокий бездельник, дурацкими картинками?
Она не любила художника, жившего неподалёку. И не потому, что он был неряшлив и бос. Не потому, что вечно смотрел на небо, не замечая её, бабушку Шнекке, да и вообще никого: ни букашку, ни человека. Она не любила его потому, что своими «дурацкими картинками» он рушил мир, её мир, такой понятный, правильный и всегда предсказуемый.
- Ну где это видано, чтобы небо было зелёным, а трава синей? – возмущалась бабушка Шнекке. – У кошки четыре ноги, а не шесть, и не бывает красных воробьёв. Чем краски переводить, лучше бы улицу мёл. Всё толку было бы больше. Зачем рушить порядок? Порядок был до нас, и будет после нас. Порядок – основа всего!
Художник любил свободу.

Ольга Романова

- Живёт как ветер и умрёт, - никто не вспомнит, - не унималась бабушка Шнекке.
Художник её не слышал или делал вид, что не слышит и продолжал малевать свои картины: жёлтые облака на чёрном беззвучном небе, белые хлопья тумана и огненную росу на розовых лепестках лилий.
Бабушка Шнекке вздыхала и продолжала жить дальше. Люди её не трогали. Больше людей она опасалась птиц, поэтому старалась не выходить из дома, если слышала грубое, не красивое карканье.
Она не боялась смерти, потому что не знала, что это такое. Когда кто-то спрашивал её, боится ли она смерти, она неизменно отвечала:
- А что это?
- Вот смотри, - настаивал кто-то, - сейчас ты жива. Ходишь, дышишь, кушаешь. А придёт смерть и ты исчезнешь. Тебя не будет. Ничего. Даже тело твоё исчезнет.
- Ну, если меня не будет, то и бояться будет некому, - смеялась бабушка Шнекке.
Но птиц она опасалась.
Бабушка Шнекке любила дождь. Не ливень, смывающий всё на своём пути, а тёплый, ласковый дождик, тихо поющий о крышу её уютного дома. Дождь её успокаивал, потому что был таким же размеренным и предсказуемым, как её бесконечно долгая жизнь.
Время – лишь некий свод правил, выдуманных людьми, чтобы помнить о прошлом и мечтать о будущем. Но, если подумать, какая разница какой вилкой, в какой руке кушать котлету, - была бы котлета. Бабушка Шнекке «ела котлету руками».
За минуту до смерти мысли её были свободны от прожитой жизни.
- Зачем?

Ольга Романова

Ничем особенным её прошлое не отличалось от настоящего и возможного будущего. Сколько себя помнила, она всегда была бабушкой Шнекке, неторопливой и рассудительной. Из-за своего маленького роста мир казался ей непомерно огромным и оглушительно громким. Старая берёза, посаженная задолго до её рождения, старая скамейка, сколоченная кем-то до неё, улица, два дома – вся её вселенная, свободная от иллюзий и вредных переживаний. Она любила свой мир, где зиму сменяла весна, а лето – осень. Никогда её не тянуло выбраться за пределы обжитого и понятного ей пространства. Конечно, ей приходилось слышать об Ином Месте, где росли другие берёзы, которые, может быть, и были краше её, другие дома и другие дороги, может быть, и уходящие в бесконечность. Но что ей было до того.

- Что мне Иное Место, - думала бабушка Шнекке. – От добра, добра не ищут. Здесь я родилась, здесь и умру. Здесь был её дом, с которым она была неразлучной. Дом и был бабушкой Шнекке. Она носила его на себе с самого рождения, как это делали её мама и папа, бабушка и дедушка, и все её предки. Поначалу, дом был маленьким и хрупким, как и она сама. Но, когда пожелтели листья и она стала взрослой, домик её окреп и стал выглядеть не хуже, чем у её родителей.

И вот сейчас, красный огромный шар нёсся к земле, чтобы раздавить её, бабушку Шнекке, в её маленьком, уютном доме, созданном самой природой.

Жизнь не пронеслась перед её глазами-рожками. На мгновенье, влажные зрачки расширились и медленно втянулись в крохотную головку, плавно переходящую в длинное, покрытое слизью, тельце с красивой коричневой раковиной, закрученной в спираль по всем законам вселенной,

Ольга Романова

Единственное, о чём подумала бабушка Шнекке, это что не увидит маленького, внучонка, благополучно рождённого ночью, под листьями старой смородины, посаженой до неё.
- А я и имя ему придумала… Шне…
Красный, резиновый мяч, нечаянно брошенный рыжим мальчишкой, больно ударил по домику-раковине и снова взмыл в верх, продолжив своё движение: вверх, вниз, вверх, вниз.
От удара улитка отлетела в сторону, прямо под ноги художника, наблюдавшего, как причудливо меняют форму облака, плывущие над миром.
- Что, бабушка Шнеке, досталось тебе сегодня, - по-доброму улыбнулся художник. – Дети, они такие, - чужой боли не чувствуют.
Внимательно осмотрев раковину и не найдя на ней каких-либо повреждений, он бережно положил улитку обратно в траву.
- Ползи, мудрая бабушка Шнекке, твой путь ещё не окончен.
Почувствовав землю, улитка выползла из своего домика. Влажные глаза-рожки вытянулись к небу, но лишь на мгновение, и снова пригнулись к земле, чтобы увидеть, понять и сделать правильный шаг к спокойной размеренной жизни.
- А картинки у него не такие уж и плохие, если присмотреться как следует, - почему-то подумала бабушка Шнекке, отползая от художника к старым кустам смородины, где ждали её сын и маленький внук.

Пенза, 2016

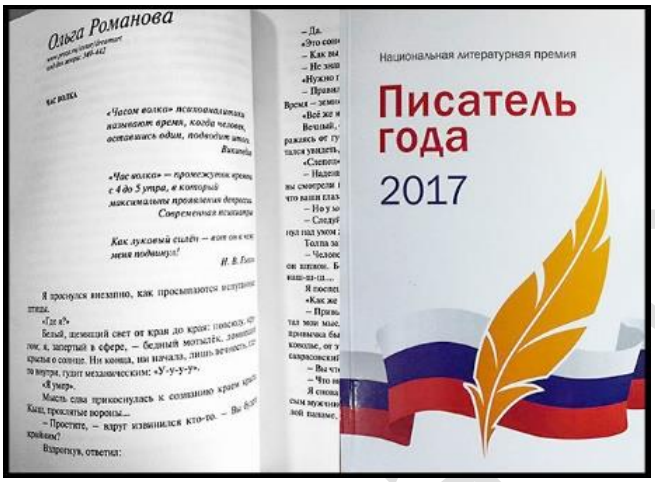
Ольга Романова

Час волка

«Часом волка» психоаналитики называют время, когда человек, оставшись один, подводит итоги.
Википедия

«Час волка» – промежуток времени с 4 до 5 утра, в который максимальны проявления депрессии».
Современная психиатрия

«Как лукавый силён – вот он к чему меня подвигнул!»
Н. В. Гоголь



Я проснулся внезапно, как просыпаются испуганные птицы.
«Где я?»
Белый, щемящий свет от края до края: повсюду, кругом; я, запертый в сфере, - бедный мотылёк, ломающий крылья о солнце. Ни конца, ни начала, лишь вечность, где-то внутри, гудит механическим: «У-у-у-у».
«Я умер».
Мысль едва прикоснулась к сознанью краем крыла. Кыш, проклятые вороны….
- Простите, - вдруг извинился кто-то. – Вы будете крайним?
Вздрогнув, ответил:
- Да.
«Это сон».
- Как вы думаете, долго придётся стоять?
- Не знаю.
«Нужно проснуться».

Ольга Романова

- Правильно, глупый вопрос, – рассмеялся кто-то. – Время – земное понятие.
«Всё же я - умер».
Вечный, слепящий полдень падал откуда-то сверху, отражаясь от густого пространства мириадами солнц. Я пытался увидеть, пробираясь глазами сквозь свет.
«Слепец».
- Наденьте очки, - посоветовал кто-то. – Всю жизнь вы смотрели на мир сквозь тёмные стёкла, не удивительно, что ваши глаза не видят.
- Но у меня нет очков.
- Следуйте за своим носом, молодой человек, - скрипнул над ухом женский прокуренный голос.
Толпа загудела:
- Человек без очков не может быть человеком. Видать, он шпион. Больной. Тунеядец. Не наш он, товарищи, не наш-ш-ш….
Я поспешно дотронулся до носа: очки были на месте.
«Как же я их не заметил?»
- Привычка, будь она неладна, - кто-то как будто читал мои мысли. – Живём по привычке, думаем…, и ладно привычка была бы масштабной, но нет, плещемся на мелководье, от этого и правда у нас какая-то своя, грязная, как Саврасовский тающий снег.
- Вы что, художник?
- Что вы, батенька, бог миловал….
Я снова мог видеть. Кто-то, оказался высоким, седовласым мужчиной за семьдесят в белой длинной рубашке и белой панаме, без брюк. Я поймал себя на мысли, что меня нисколько не удивило отсутствие брюк на человеке почтенного возраста. Сам я был в том, в чём уснул: голым, стыдливо прикрытым измятою простынёй.
- Позвольте представиться, - старик протянул мне руку, - Учитель. А вас как звать-величать?

Ольга Романова

- Николай…, простите, писатель.
- Хорошее имя, Коля-писатель, нужное.
- Где мы?
- В очереди, как и все здесь.
- И за чем стоит эта очередь?
- Кто за чем. Я вот стою за смертью. Что вам здесь нужно, на этот вопрос сами ответьте.
- Я спал….
- Вы проснулись, – уже хорошо.
- Что это за место?
- А что вы видите?
- Бесконечную пустыню: ни травинки, ни кустика.
- Значит, вы так решили. Я вот стою по колени в воде, на берегу печального озера и наблюдаю, как солнце медленно садится за горизонт. Поверьте, ничего более прекрасного я в жизни не видел. Взгляните на ту красотку, - он указал на молодую блондинку позади нас в платье из чёрного шёлка, на бледном лице которой пылали алые губы. – Она всё время кому-то машет, как будто прощается.
- Она на вокзале.
- Скорее всего.

Я шёл в потоке. Огромная масса человеческих тел, жирной гусеницей, растянулась от края до края пустыни, волнуясь и дрожа от каждого многомиллиардного шага. Я был потоком: мутной, грязной рекой человеческих мыслей и дел.

«Я не готов».

Я жил как все: разбрасывал камни, думая, что впереди целая жизнь. Верил ли я? Скорее надеялся, и всё откладывал: потом, потом….

«Дурак».

- Как вы думаете, - прервал мои размышления Учитель, - бог реальный персонаж?
- Почему вы спросили?

Ольга Романова

- Вы задумались.
- Ну и что? Может я думал о женщине.
- Нет, - улыбнулся Учитель, - вечность земное мало интересует. Бредя, как вы, по раскалённой пустыне, можно думать только о боге.
- Я думал, что многого не успел. Признаться, я считал себя не глупым человеком. А сейчас, стою здесь – дурак дураком.
- Не вы один.
- Верю ли я в бога? Как-то я прочёл, что если человек будет иметь веру хотя бы с горчичное зерно и скажет горе: «Перейди отсюда туда», - она перейдёт. Если воспринимать это буквально, то кто может сказать, что он - верующий? Но когда я читаю Пушкина, или слушаю Баха, или просто смотрю на ночное небо, представляя…, да что там…. Разве можно объять бесконечность человеческим несовершенством? Когда я думаю об этом, я не могу сказать, что бога нет.

При имени Пушкина толпа вздрогнула и выдавила из себя голого человечка с некрасивым лицом попа-расстриги.

- Я слышал, здесь говорят о Пушкине, - проблеял он, смешно поджимая тонкие губы, отчего редкая его бородёнка нервно подрагивала, будто живая.

Я отреагировал резко, надеясь, что странный мужичок, некстати возникший, поймёт и вдавится обратно в толпу.

- Вам то что?
- А то, несчастный ты человек, что Пушкин твой был язычник и грешник!
- Я так не думаю, - холодно ответил я, всем своим видом давая понять, что разговаривать нам не о чем.

Тон мой и нескрываемая нелюбезность произвели обратный эффект. Мужичонка стал кружиться вокруг меня, приплясывая и вопя что есть мочи:

Ольга Романова

- Отрекись от Пушкина и любви к нему: Пушкин был язычник и грешник![1] Отрекись от Пушкина и любви к нему! Отрекись! Отрекись! Отрекись!
Вопли окаянного делались всё громче, пока не превратились в грозный громовой глас:
- Отрекись от Пушкина!!!
Уже не поп-расстрига танцевал свой танец, а чёрный ворон, смерчем, кружился над моей головой.
В страхе я перекрестился:
- Изыди нечистый.

***

Я очнулся в постели, мокрый, пахнущий серой: благоразумный разбойник, обретший спасенье.
«Господи помилуй…».

Пенза, 2017

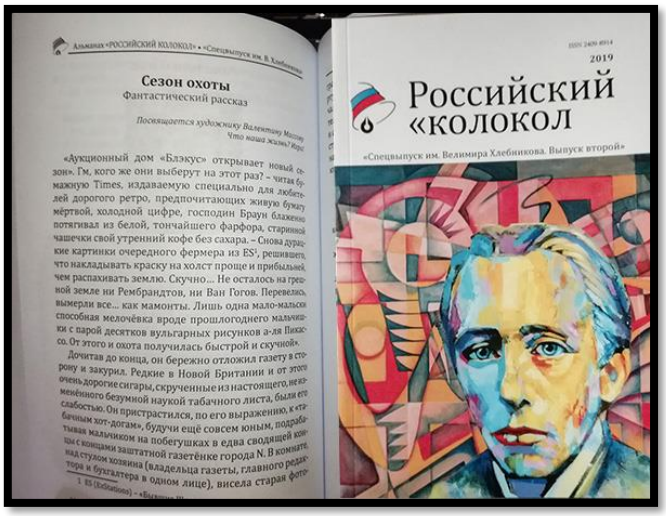
1. Отрекись от Пушкина и любви к нему: Пушкин был язычник и грешник! - о. Матфей (Константиновский)

Ольга Романова

Сезон охоты

Посвящается художнику Валентину Массову

Что наша жизнь? Игра!



«Аукционный дом «Блэкус» открывает новый сезон». Гм, кого же они выберут на этот раз? – читая бумажную Times, издаваемую специально для любителей дорогого ретро, предпочитающих живую бумагу мёртвой, холодной цифре, господин Браун блаженно потягивал из белой, тончайшего фарфора, старинной чашечки свой утренний кофе без сахара. – Снова дурацкие картинки очередного фермера из ES[1], решившего, что накладывать краску на холст проще и прибыльней, чем распахивать землю. Скучно… Не осталось на грешной земле ни Рембрандтов, ни Ван Гогов. Перевелись, вымерли все… как мамонты. Лишь одна мало-мальски способная мелочёвка вроде прошлогоднего мальчишки с парой десятков вульгарных рисунков а-ля Пикассо. От этого и охота получилась быстрой и скучной».
Дочитав до конца, он бережно отложил газету в сторону и закурил. Редкие в Новой Британии и от этого очень дорогие сигары, скрученные из настоящего, не изменённого безумной наукой табачного листа, были его слабостью. Он пристрастился, по его выражению, к «табачным хот-догам», будучи ещё совсем юным, подрабатывая мальчиком на побегушках в едва сводящей концы с концами заштатной газетёнке города N. В комнате, над стулом хозяина (владельца газеты, главного редактора и бухгалтера в одном лице), висела старая фотография толстого господина в цилиндре, с зажатой во рту сигарой. Поначалу услужливый мальчик не замечал толстого господина. Жизнь проносилась, стремительно

Ольга Романова

превращая в незримую серую массу обои, столы и стулья и старое фото. Со временем тени оформились, странным образом отделились от грязной стены и однажды, лёгким солнечным утром, к своему удивлению, юноша увидел ЕГО.

– Кто это? – спросил он хозяина.

– А ты не знаешь?

– Нет, сэр.

– А должен бы, если, конечно, твоя мечта влиться в когорту избранных всё ещё дышит в тебе.

– Конечно, сэр, я всем сердцем мечтаю стать таким же великим, как вы!

Наивность юноши давно забытой улыбкой коснулась тяжёлых небритых щёк шестидесятидвухлетнего владельца газеты. Что-то очень тёплое окатило «великого». Надрывно дыша перегаром, он проревел:

– Это, мой мальчик, «последний солдат империи», «вселенский политик», Уинстон, мать его, Черчилль, и жил он очень, очень давно. Во какой был мужик! – он сунул под нос мальчишки сжатый кулак с поднятым кверху большим пальцем.

– Он был, как вы, хозяином?

– О да… он был настоящим Хозяином…

Много позже господин Браун (а тогда просто Джек) узнал, кем был тот толстый господин в цилиндре, чья фотография, заботливо вставленная в дешёвую рамку, сподобилась быть единственным украшением священного места. Правда, когда он узнал историю «этого мерзавца», было уже поздно. Привычка курить сигары стала его страстью – единственной в жизни.

Время – зеркало Бога, где каждый, пройдя свой жизненный путь, снова, как в детстве, увидит себя в истине и ужаснётся: «Я ли это?» Мы не рождаемся злыми. Злыми нас делают наши желания и обстоятельства жизни.

Ольга Романова

Из милого дитяти вырастает зверь, готовый на всё ради мнимого благополучия и призрачного превосходства. Вглядываясь в своё отражение, Джек Браун больше не видел там доброго мальчика, счастливого и беззаботного; старая фотография «мать-его-черчилля» смотрела на него острым, колючим взглядом насмешника с неизменной сигарой меж полных и влажных губ. Юношеская чистота и наивность, безжалостно принесенные в жертву финансовому благополучию с пожизненным членством в клубе избранных (богатых бездельников, безответственно и безнаказанно правивших этим миром), остались в прошлом. Старый, больной, но богатый бывший главный редактор и совладелец самой влиятельной газеты в стране безнадёжно скучал, посасывая любимый «табачный хот-дог». Он ждал звонка.

Телефон ожил после полудня. Вежливый голос в трубке задал короткий вопрос – код, известный лишь нескольким избранным:

– Вы в игре?

Вместо положенного уставом обычного «да» господин Браун зачем-то спросил:

– Что-то стоящее?

После недолгого молчания голос ответил:

– Я понял ваш запрещённый правилами вопрос, господин Браун, и поскольку вы являетесь нашим почётным членом, вопреки правилам, вам, – он сделал ударение на слове «вам», – я отвечу: да, такого очень давно не было. Я бы добавил, никогда не было.

Желая усилить минутное превосходство, Джек Браун продолжил:

– Я старик, и мне простительно моё старческое любопытство (вопреки правилам). К тому же я, как вы любезно заметили, являюсь не только почётным членом клуба, но и одним из создателей Охоты и, как мне

Ольга Романова

кажется, имею право на некоторую исключительность, так сказать.
Молчание в трубке продлилось немного дольше.
– Что вы хотите знать, господин Браун?
– Кто он? Откуда?
– Какой-то русский с Северных территорий.
– Наследники есть?
– Мы уточняем.
– Местные о нём знают?
– Только те, кто в игре.
– Друзья, знакомые?
– Для них он просто чокнутый художник.
– Стартовая цена приза?
– …
– Я задал вопрос.
– Миллиард… Но… это не всё.
– Что вы хотите сказать?
– Вместе с работами победитель получит… частицу Бога.
– Что за…
– Да-да, вы не ослышались. Его работы… как бы вам сказать… они не совсем работы…
– Как это «не совсем работы»? Они что, сделаны из солнечной пыли?
– Почти…
– Это шутка?
– Нет. Его работы – обычная с виду акварель, но только с виду. Она непонятным образом светится. Это не флуоресцентная краска, не подсветка, не технологии. Просто бумага и акварель. Говорят, по светоносности его работы как музыка Моцарта. Словами этого не объяснить…
– Говорят?
– Это надёжный источник.

Ольга Романова

– Странно… Если хотя бы часть из того, что вы говорите, правда, странно, что местные его пропустили.
– Они и не собирались делиться. Всё ждали…
– Великий художник – это мертвый художник[2]. Я правильно понял?
– Совершенно верно.
– Сколько ему?
– Никто не знает. Известно только, что он родился до Трёхдневной Войны.
– Так ему должно быть не меньше…
– Да, и он…
– Не собирается покидать этот мир.
– К сожалению, да.
– Дилетанты.
– Я бы не сказал. По их словам, он вроде как святой. Ничто его не берёт.
– Так уж и ничто?
– Вы имеете ввиду крайние меры?
– Вот именно. Святость Иоанна не спасла его голову[3].
– К нему подсылали убийц…
– И что?
– Он всё ещё жив.
Охотничий азарт возвращался к нему пьяным теплом, заставляя быстрее биться холодное сердце.
– Дилетанты, – повторил Джек Браун, всё больше волнуясь.
– Так вы в игре?
– Да!
А как же иначе? Ведь это он создал её – охоту для избранных, утомлённых богатством и властью богатых ублюдков, безнадёжно скучающих на безбожном Олимпе. После войны, начавшейся по ошибке и закончившейся уничтожением невинной страны и глобальным испугом, мир заново поделили. На новых территориях возникли

Ольга Романова

новые государства, где новая власть, объединённая старым законом «мир для богатых», пыталась строить новую жизнь, вливая молодое вино в мехи ветхие[4].
Году в 2117 на одном из вошедших в привычку приёмов по случаю тридцатилетний преуспевающий журналист модной газеты, Джек Браун, мимоходом услышал резкое замечание в адрес художников:
– Вся эта богемная сволочь слишком много о себе думает. Радовались бы тому, что их поганая мазня вообще кому-то нужна.
Тема его волновала.
– Вы это обо всех или о ком-то конкретном? – спросил он раздосадованного господина в костюме из лунной парчи.
– Слышали о Голом Британце?
– О мистере Fuck?
– Да, об этом нахале, рисующем жопой.
– Ну как же, его работы…
– Дерьмо!
– …весьма популярны.
– И стоят миллионы, хотя за это убожество я и гроша ломаного не дал бы.
Мысль как предчувствие, шорох сознания, пыль ускользающего нечто, и вдруг…
– А хотите, сэр, я заберу у него работы, не заплатив ни цента?
Знания, однажды усвоенные, не исчезают бесследно. «Если вы хотите достичь цели, не старайтесь быть деликатным или умным. Пользуйтесь грубыми приёмами. Бейте по цели сразу. Вернитесь и ударьте снова. Затем ударьте ещё, сильнейшим ударом сплеча»[5]. Он это помнил.
– Что, заболтаете его до смерти?
– Это уж как придётся. Хотите пари?
Так родилась Охота. Позже идею подхватил «Блэкус» – один из крупнейших в мире послевоенных аукционных

Ольга Романова

домов. Основанный 13 мая 2078 года большим почитателем искусства, полковником в отставке Маркесом Блэком, «Блэкус» стал закрытым клубом для внезапно разбогатевших на Новых Приисках бывших военных, решивших, что вкладывать в «мазню» куда безопасней и прибыльней законного убийства и грабежа. Совместно с «Блэкус» были разработаны «Правила ведения охоты в реалиях современного мира», которым должны были следовать все без исключения «охотники за талантом».

Правила были просты: в течение года нужно было вынудить художника (жертву) отдать свои работы – любым способом. Жадность, тщеславие, зависть, уныние жертвы – всё шло в помощь охотнику. Убийство, тщательно замаскированное под самоубийство, или несчастный случай считались мерой крайней и применялись в исключительных случаях, когда упрямство гения становилось единственным препятствием на пути к победе. Платить художнику даже самую малость было строжайше запрещено.

Жертва выбиралась осознанно, по таланту. Армия наёмных дилеров, искусствоведов и перекупщиков всех мастей работала без устали, выискивая крупицы золота в огромной навозной куче послевоенного арт-рынка. Поначалу охотились за известными, кем-то уже раскрученными и в большинстве своём бездарными «клоунами по контракту», но быстро от них отказались: территория хорошо охранялась. Взялись за способных, но было скучно: слишком сговорчивые. Потом за талантливых. С талантливыми было интересней всего: те просто так не сдавались.

Первый из игроков, завладевший работами жертвы, получал звание «победителя сезона» и право продажи «трофеев» на аукционе «Блэкус». Десять охотников,

Ольга Романова

заменяемых, но всегда неизменным количеством, бились за звание лучшего. Информацию о жертве каждый участник получал в день старта – за год до официального открытия торгов. Обыватель видел лишь то, что было дозволено: благополучная элита помогает бедным художникам, покупая работы достойных на известном и всеми уважаемом аукционе «Блэкус».
2119 год стал годом первой Охоты, а Джек Браун – первым победителем сезона.
Тридцать два сезона – тридцать два художника: двенадцать сами отдали работы и сменили профессию, девятнадцать были обмануты, и один, самый упёртый и, как оказалось, самый талантливый, покончил с собой. «Не выдержав мук непризнанности, художник покончил с собой», – писали газеты. «Чушь! – подумал тогда господин Браун, отдавая посмертную дань несчастному. – Настоящий талант свободен от страстей. Работа – вот его слава, его признание, его любовь. Хотите обидеть художника – лишите его возможности творить. Бросьте его в яму, сожгите холсты – вот тогда он будет несчастен».
Цифры, цифры… Сухая статистика, запись в архиве, который никто никогда не прочтёт, и… целая жизнь. Мощное древо вырвано с корнем рукою безумца, возомнившего себя равным Творцу. Нищий художник и богатый бездельник, дающий и отнимающий ради забавы, жизнь и убийство по праву сильнейшего – качели падшего мира, где зло побеждает добро, из века в век распиная дарующего любовь Бога.
– Глупый, доверчивый Авель…
Пройдя огонь и воду, дойдя до труб медных в здравом уме, сам хозяин для юных Джеков, теперь уже господин Браун задумчиво смотрел в раскрытое окно, мусоля потухший окурок.

Ольга Романова

Звонок озадачил его. Что это? Шутка, розыгрыш, рекламный трюк? «Как музыка Моцарта…» Разве могут быть Моцарты в ИХ мире? Моцарт – глас Бога на грешной земле, милость к падшим, утешение страждущим. «Любовь, любовь, любовь – вот душа гения»[6].
Сколько ни бросай семя в мёртвую землю, плода не получишь; забытая мораль, попранная добродетель, талант как болезнь, а гений – почти преступление. Те немногие, кто помнил мир другим, беззвучно доживали свой век в тени проносящейся жизни. Он выжил лишь потому, что умел приспособиться; цена не имела значения.
Господин Браун выплюнул окурок с ненавистью и чуть слышным ругательством. Высокий порыв прошёл, оставив внутри лишь горькое послевкусие. На Моцартов они ещё не охотились. Привычным движением он поднял трубку старинного телефона.
– Готовьте загонщиков. Охота будет удачной!

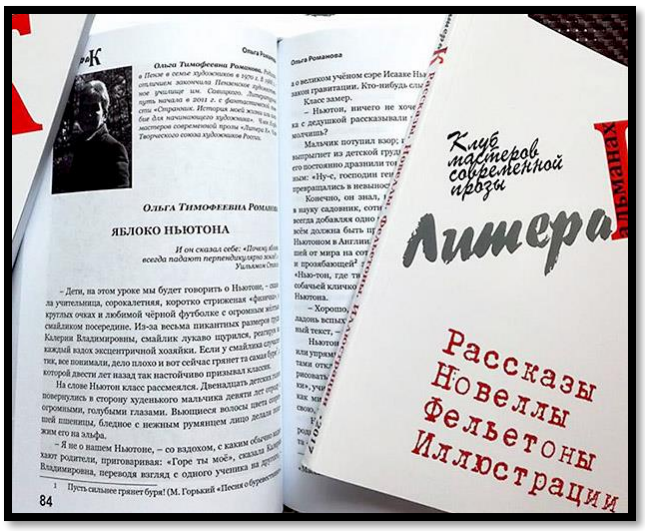
1. ES – Ex States – бывшие штаты
2. Великий художник — это мертвый художник. – Закон Тиссена
3. Святость Иоанна… – Иоанна Крестителя
4. …И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие. – (Евангелие от Луки, гл. 5)
5. Если вы хотите достичь цели, не старайтесь быть деликатным или умным. Пользуйтесь грубыми приёмами. Бейте по цели сразу. Вернитесь и ударьте снова. Затем ударьте ещё, сильнейшим ударом сплеча. (У. Черчилль)
6. Любовь, любовь, любовь, вот душа гения. - В. А. Моцарт

Пенза, 2016

Яблоко Ньютона

И он сказал себе: «Почему яблоки всегда падают перпендикулярно земле?..»
Уильям Стакли

Ольга Романова



- Дети, на этом уроке, мы будет говорить о Ньютоне, - сказала учительница, сорокалетняя, коротко стриженая «физичка» в круглых очках и любимой чёрной футболке с огромным жёлтым смайликом посередине. Из-за весьма пикантных размеров груди Калерии Владимировны, смайлик лукаво щурился, реагируя на каждый вздох эксцентричной хозяйки. Если у смайлика случался тик, все понимали, дело плохо и вот сейчас грянет та самая буря[1], к которой двести лет назад, так настойчиво, призывал классик.

На слове Ньютон, класс рассмеялся. Двенадцать детских голов повернулись в сторону худенького мальчика девяти лет отроду с огромными, голубыми глазами. Вьющиеся волосы цвета созревшей пшеницы, бледное с нежным румянцем лицо, делали похожим его на эльфа.

– Я не о нашем Ньютоне, - со вздохом, с каким обычно вздыхают родители, приговаривая: «Горе ты моё», сказала Калерия Владимировна, переводя взгляд с одного ученика на другого, - а о великом учёном сэре Исааке Ньютоне, который первым открыл закон гравитации. Кто-нибудь слышал о нём?

Класс замер.

- Ньютон, ничего не хочешь сказать? Наверняка, бабушка с дедушкой рассказывали тебе о великом тёзке. Ну, что ты молчишь?

Мальчик потупил взор; щёки его пылали, а сердце, казалось, выпрыгнет из детской груди. К фамилии

Ольга Романова

Пушкин, из-за которой его постоянно дразнили товарищи, а уроки литературы, с неизменным: «Ну-с, господин гений, чем вы нас, сегодня обрадуете?» - превращались в невыносимую пытку, - прибавилось имя.
Конечно, он знал, кем был Ньютон. Дедушка, влюблённый в науку садовник, сотни раз рассказывал ему о великом учёном, всегда добавляя одно и то же: «Яблоки абы на кого не падают. Во всём должна быть причина». Но, одно дело, быть сэром Исааком Ньютоном в Англии, другое – быть мальчиком Ньютоном в отставшей от мира на сотню лет, Пындзе, чёрт знает для чего живущей и прозябающей[2] за «Большим Кольцом» Российской Империи. «Нью-тон, где твой батон», - дразнились мальчишки. «Пушкин с собачьей кличкой», - вздыхали добрые соседи. Ньютон ненавидел Ньютона.
- Хорошо, - учительница ударила в ладоши, отчего её правая ладонь вспыхнула, и на образовавшемся экране проявился печатный текст, - не хочешь, не отвечай.
Ньютон облегчённо выдохнул. Не то, чтобы он был глупым или упрямым мальчиком. Он жил среди книг, безудержными мечтами откликаясь на каждую новую, прочитанную судьбу, любил рисовать; под чутким руководством бабушки, «милой фантазёрки», учился играть на гитаре. Он был как многие и он был другим, как миллиарды других, пришедших в этот мир, чтобы творить свою, неповторимую историю.
Ньютон Пушкин был «почти сиротой». Пять лет назад, его родители, космобиологи, пропали без вести с командой звездолёта «Стремительный», - первой и, по трагическим обстоятельствам, ставшей последней, экспедицией к планете Проксима b в созвездии Центавра. Корабль просто исчез без всякой причины, пропал, испарился, как будто его и не было.

Ольга Романова

В тот день, когда пришло трагическое известие, яблоневый сад, посаженный дедом в день рождения дочери, сад, о котором писали как о «последнем Пындзенском саде», погиб; голые стволы да воющий ветер в чёрных ветвях, - всё, что осталось от райского места.
- Сэр Исаак Ньютон родился двадцать пятого декабря тысяча шестьсот сорок второго года в деревне Вулсторп. Отец Ньютона, Исаак Ньютон был фермером. Он умер, не дожив до рождения сына. Мать Ньютона, Анна Эйскоу, повторно вышла замуж. В детстве Ньютон, был молчалив, замкнут и…, - Калерия Владимировна многозначительно скосила глаза в сторону Ньютона, - оторван от коллектива. В тысяча шестьсот пятьдесят пятом году двенадцатилетнего Ньютона отдали учиться в расположенную неподалёку школу в Грэнтеме. Мальчик показал незаурядные способности и в тысяча шестьсот шестьдесят первом году, по настоянию школьного учителя Стокса и дяди Ньютона, юноша продолжил образование в Кембридже. Он был очень трудолюбивым юношей, хорошо учился…, Эдик, убери телефон в портфель…, мама спрашивает, где ты…? Странная мама…, ответишь ей на перемене. Значит, наш Исаак, хорошо…, что тебе, Гурьян? В туалет? Ну, иди. Только быстро… Кто скажет, на чём я остановилась? Никто?
- Сэр Исаак Ньютон хорошо учился, – не смело ответила сидевшая за первой партой девочка с тоненькими косичками.
- Умница Зоя. Судя по всему, ты одна меня слушала… И так, Ньютон стал великим учёным и в тысяча шестьсот восьмидесятом году открыл закон всемирного тяготения. Существует легенда, что однажды, сидя под деревом и прибывая в созерцательном состоянии, он увидел, как с ветки упало яблоко. Он подумал, что падение яблока и движение планет по своим орбитам должны подчиняться

Ольга Романова

одному и тому же универсальному закону. До Ньютона считалось, что существует два вида гравитации: земная и небесная. Ньютон, первым, объединил два этих вида… Все открыли страницу номер сорок один. Петров, проснись и прочти нам выделенный абзац. Страница сорок один. Мальчик с последней парты открыл электронный учебник и начал что-то невнятно бубнить, медленно накручивая рыжий вихор на указательный палец.
- Хватит, Петров. Твоё ораторское искусство даже меня заставит возненавидеть физику. Остальное, вы прочтёте дома, - хлопнув рукой о рваные джинсы, Калерия Владимировна закрыла экран.
Дверь приоткрылась и в класс заглянула довольная мальчишеская мордочка.
- Можно войти?
- А я уж подумала, что ты умер в своём туалете. Быстрее садись на место. Кто-нибудь, передайте нашему Гурьяну ссылку на текст. Для всех остальных, я покажу на практике, как работает закон тяготения. Конечно, живи мы хотя бы лет десять назад, я бы смогла показать вам, как падает настоящее яблоко; только что сорванное…, - Калерия Владимировна поймала себя на мысли, что воспоминания детства, внезапно нахлынувшие на неё, предательски вцепились ей в горло. - К счастью, - печальней положенного вздохнула она, - в наш век технологий вашим родителям не нужно больше заботиться о приготовлении пищи, часами простаивая на кухне. Как вы знаете, готовые завтраки, обеды и ужины, красиво упакованные в нано-кастрюли, позволяющие мгновенно приготовить всё что угодно, можно купить в любом супермаркете. А яблоки…, Кому интересно, как выглядели немытые фрукты, найдёте картинку в интернете.
- У Ньютона есть яблоко, - неожиданно для всех, сказала Зоя. – Я знаю.

Ольга Романова

Ньютон опустил голову к самой груди и тихо прошептал:
- Предательница.
- Это правда, Ньютон? – не скрывая своего удивления, спросила учительница.
- Яблоко у него в портфеле. Он его всё время носит с собой, - тихо добавила девочка.
- Потому что это мамино яблоко, – прошептал мальчик.
Он злился на Зою, и на себя, что доверил тайну глупой девчонке, и на Калерию Владимировну с её дурацким смайликом, который угрожающе щерился на него беззубым ртом. Ему хотелось крикнуть: «Какое ваше дело, что находится в моём портфеле?» - но всё, что он мог, - беспомощно зажмуриться, в надежде, что его поймут и оставят в покое.
Яблоко напоминало ему об ушедших родителях. «Герои космоса, по зову Империи отправившиеся покорять просторы вселенной, отдавшие жизнь во славу отечества», в сердце мальчика, в отличие от бездушного мира, слишком быстро похоронившего его папу и маму, всё ещё были живы. Бабушка с дедушкой не пытались «опустить внука на землю», вопреки мнению многих, считающих, что мальчик должен жить в реалиях этого мира. Так же, как когда-то, не помешали дочери, ради безумной идеи, пожертвовать счастьем двухлетнего сына.
Дедушка рассказывал, что от погибшего в тот год сада, осталось лишь несколько яблок. Он хранил их, сколько было возможно. Через год яблоки сгнили, все, кроме одного. Последнее яблоко цвета нежнейшего перламутра с румяным бочком, припудренное ветром, с тонким ароматом жаркого лета, оставалось не тронутым смертью. Ньютон верил, пока яблоко с ним, с мамой и папой ничего не случится.
Всей своей пышущей страстью, Калерия Владимировна надвинулась на мальчика желая зреть чудо лично.

Ольга Романова

- Ньютон, можно мне взглянуть на твоё яблоко?
Мальчик сидел в растерянности: не желая делиться тайной, не смея перечить учителю. Бесконечность невинных глаз, обрамлённых густыми ресницами, молила не трогать его.
- Только взглянуть?
- Да, Ньютон. Посмотрю и сразу отдам.
Ньютон обречённо вздохнул и вынул из портфеля яблоко. По мере того, как взволнованная учительница медленно, забвенно склонялась к заветному плоду, смайлик на её футболке всё больше сжимался в гримасу счастливой смерти. Она схватила яблоко так быстро, словно опасалась, что кто-то его отнимет из влажных, учительских рук. Победный клич пронёсся над классом:
- Вот!
Калерия Владимировна вскинула руку с полученным трофеем, словно Свобода на баррикадах.[3]
- Все смотрим сюда! Вот оно, настоящее яблоко и сейчас, дети, я покажу вам, как работает гравитация!
Ньютон вскочил из-за парты.
- Нет! – крикнул обманутый мальчик. – Это мамино яблоко! Вы обманули меня! Вы…, вы…
- Стой, где стоишь, Ньютон, - грозно сказала учительница.
- Или тебе придётся покинуть класс.
Сердце Ньютона сжалось. Горечь, обида, отчаяние смешались в потрясённом сознании в одно, неудержимое желание покоя; вернуть всё обратно, как будто ничего не было: ни законов, ни правил, ни школы, ни самого мира, укравшего его тайну. Из-под зажмурившихся век капали слёзы, чистые, как вода в отражении Духа. «Пусть яблоко не упадёт, пусть яблоко не упадёт…», - молило детское сердце.
Тишина упала откуда-то сверху огромной гудящей мухой, рвущим пространство набатом, бьющимся о призрачное

Ольга Романова

стекло вселенной. Послышались смешки: один, за ним, другой и вот уже весь класс смеялся безудержно, как только может смеяться детская, свободная радость.
Ньютон открыл глаза. Возле классной доски стояла Калерия Владимировна в позе укушенного червём коршуна, с застывшей рукой, и с изумлением смотрела на яблоко, зависшее в метре от пола.
- Этого не может быть, этого не может быть, - бормотала она привычное заклинание взрослых, всем своим наученным естеством отвращаясь от непонятных, неправильных, а значит, опасных для жизни явлений.
С опаской, как к дикому зверю, Калерия Владимировна приблизилась к яблоку; чуть тронула его, отпрянула; набрав в лёгкие как можно больше воздуха, подошла, накрыла яблоко руками и с силой надавила на него, с единственным желанием исполнить закон.
- Сейчас это яблоко упадёт. Существует закон…, - давила она, - по которому…, - давила она сильнее, - все яблоки… должны… падать… на землю. Ничего не понимающая Калерия Владимировна давила и давила на яблоко, пока измученный смайлик окончательно не прилип к мокрой груди, изображая неведомый ужас, внезапно вырвавшийся из-под контроля «физички».
Прошло несколько минут, прежде чем силы покинули учительницу.
- Это не по правилам, - только и сказала она, с опаской отодвигаясь от яблока.
- Чьим, Калерия Владимировна? – хохотал, рыжий мальчишка.
Калерия Владимировна, задумчиво, посмотрела на рыжего мальчика, потом на яблоко, затем на Ньютона.
- Забери своё яблоко, - строго сказала она, - и никогда, слышишь, никогда не приноси его в школу.

Ольга Романова

Радости мальчика не было пределов. Приблизившись к чуду, он подставил под яблоко тёплые, маленькие ладошки и оно упало в них, как и положено, по закону.

Пенза, 2017

1. Пусть сильнее грянет буря! – М. Горький «Песня о буревестнике».
2. Чёрт знает для чего живущей и прозябающей. – «…чортъ знаетъ для чего живёшь и прозябаешь!» А. Писемский «Массоны»
3. Свобода на баррикадах. – Название картины Эжена Делакруа

Союз сапожников

«А судьи кто?»
А. С. Грибоедов «Горе от ума»

- Мною уважаемые товарищи сапожники, братья! Мы собрались, чтобы осудить нашего брата, осмелившегося попрать священные узы братства, оступившегося и отступившего от закона сапожного ремесла не по принуждению, а злого умысла для, и…, - Председатель Ша обвёл внимательным взглядом собравшихся, отмечая про себя малейшее движение хитиновых тел, плотно стоящих в шеренгах, - осудить его по всей строгости нашего, скажу я вам, непростого времени, в котором нам, товарищи, приходится выживать.
Одобрительное «Ша-а-а!» поднялось над головами присутствующих вместе с пылью, на пару секунд пригасив луч солнца, так некстати, проникший в собрание и заставивший недовольно морщиться треугольные мордочки с огромными, тяжёлыми жвалами. Председатель поднял переднюю лапку, призывая к порядку.

Ольга Романова

- Тише, тише, товарищи. Кто-нибудь хочет высказаться? – спросил он, пристально вглядываясь в толпу.
Слово взял старый сапожник с большими усами и некрасивым выростом между глаз.
- Я, товарищи, самый старый из вас. Я уже был сапожником, когда многие из вас ещё не родились. Я был против принятия, так называемого брата, в наши ряды, тем более, что он и не просил нас об этом. Председатель Го единолично принял решение о присуждении священного звания сапожника недостойнейшему из недостойных, этому недоучке, бездарнейшему отпрыску Адама, по неизвестной мне причине, решившему, что он имеет право шить обувь. Товарищи! Я открою вам страшную тайну! Этот сапожник - не брат нам и никогда им не был! Взгляните на него! У него даже усов нет…
Толпа презрительно закивала.
- …Всего две лапки, которые он называет «руками»! Скажите мне, о, други, как вообще «руками» можно что-то делать, тем более, шить обувь?!
Толпа одобрительно загудела.
- …И так как я не голосовал за него тогда и никогда не считал его своим братом, я с удовольствием поддержу решение Председателя Ша об исключении самозванца из святого союза. Я всё сказал.
Громкие и продолжительные аплодисменты взорвали аудиторию. Старые доски вздрогнули; из множества щелей, на головы собравшихся посыпались песок и старая пыль хозяйского дома. Сквозь плотную пылевую завесу вздёрнулась тощая лапка, требуя слова. Председатель Ша, наблюдавший за братьями, одобрил желание хозяина лапки.
- Слово представляется…! – громогласно возвестил он поверх треугольных голов. – Слово представляется…, товарищу Ва.

Ольга Романова

На трибуну поднялся сапожник с плоской, как будто пришибленной головой и стёртыми жвалами из-под обломанных в нетрезвой схватке усов. Из-за поднятой ли пыли, или душившего его зла, он долго кашлял, истово стуча себя по впалой груди, прежде чем гнев, так долго сжигавший его, не вырвался наружу, подобно стае голодных шакалов, почуявших жертву.
- Бездарность! Бездарность, - лаял он истово, - проникла в наши ряды! С самого первого дня я знал, этот сапожник - не наш! Когда каждый из нас, изо дня в день, трудится не покладая лапок, соблюдая закон, этот выскочка смеётся над нами, позволяя себе работать не так, как прописано в нашем уставе, а по-своему, как подсказывает ему сердце! Вы слышите?! Он подчиняется не правилам, а чувству! Позор! Где это видано, чтобы сапожник работал с чувством? Он даже не потеет! А что он творит с кожей? Его башмаки не фундаментальны и не грубы, и поэтому не надёжны! Зачем клиенту изящество? Клиенту нужна монументальность, чтоб на века! Я так скажу, товарищи, отступнику не место в нашем союзе…!
- Гнать взашей и дело с концом! – зашелестела толпа.
- …Отступнику место на свалке истории! - закончил товарищ Ва.
Пыль поднялась на метр от пола и солнце погасло. Каждый желал сказать что-нибудь самое гадкое в адрес предателя.
- Сумасшедший!
- Тунеядец!
- Формалист!
- Враг народа!
- Сапожник для бедных!
Гвалт стоял такой, что Председателю Ша трижды пришлось повысить голос, призывая толпу к порядку.
- Тише, товарищи, тише! Давайте следовать правилам. Кто-нибудь хочет высказаться в защиту падшего брата?

Ольга Романова

В зале воцарилась зловещая тишина. Терять положение в стае никто не хотел; мрачная перспектива расстаться с работой и членством в союзе из-за какого-то человека которому, к тому же, не было никакого дела до них, домашних тараканов-сапожников, живущих под полом его хижины, никого не прельщала.
Неожиданно, с дальних рядов, дрожа под тяжестью лет, поднялся товарищ Ку. Пять сотен треугольных голов, с нескрываемым удивлением, повернулись в сторону старого таракана. От неслыханной дерзости Председатель Ша даже попятился, выказав недопустимую, в его положении, слабость. В немеющей тишине, товарищ Ку поднялся на трибуну.
- Я уже стар и мне нечего бояться, - начал он тихо, – Конечно, человек нам не брат. Не может человек быть братом таракану, и с этим никто не спорит. Почему же он в нашем союзе? Потому, что Председатель Го, питавший слабость к двуногим, принял его. «Зачем?» - спросите вы. А я отвечу. Председатель Го видел в нём не просто человека. Он видел в нём по-настоящему талантливого сапожника, художника с большой буквы. Мне он не друг, но изо дня в день, наблюдая за ним, я понял: этот человек – не просто сапожник. Каждое утро солнце восходит над нашей землёй, согревая своим теплом всякую тварь под небом: меня и тебя, и тебя, - старик блаженно улыбнулся. – Люди называют это любовью… Нам, тараканам, не ведомо это чувство. Мы едим, спариваемся, шьём обувь, потому что так делали наши отцы и отцы наших отцов. Наше трёхкамерное сердце слишком спокойно, слишком разумно чтобы любить. Мы не трепещем от красоты, не чувствуем боли за ближнего, не слышим гармонии. Наш мир чёрно-белый, с чёткими гранями и наглухо закрытыми границами; свобода – наш враг, талант же для

Ольга Романова

нас – безумство. Мы живём под ногами людей, питаемся падалью и презираем каждого, кто на нас не похож. Этот человек не таков. Я видел, как он работает. Стежок к стежку тачает он любовь и каждая новая пара его башмаков достойна ног самого кесаря. Однажды, наблюдая за тем, как он нарезает тонкие полоски кожи для будущих сандалий, я свалился с потолка прямо ему под ноги. Признаться, я попрощался с жизнью, думая, что он раздавит меня, как сделал бы любой двуногий на его месте. Но, нет. Назвав меня «бедным», он дал мне хлебных крошек, мне, таракану. Да, он мне не брат, но он – Человек. Я всё сказал.

Поддавшись странному чувству, внезапно осиявшему души усатых братьев, тишина ослабила хватку. Тяжёлая пыль улеглась, солнечный луч сделался шире и треугольные мордочки больше не щурились от яркого света. Товарищ Ку спокойно сошёл с трибуны под одобрительный шёпот братьев.

Председатель Ша стоял в нерешительности, не смея противиться странному чувству бесконечного покоя, вдруг, так некстати, парализовавшего его безжалостный к другим разум. «Да, чёрт с ним», - подумал он вяло, зачем-то вспомнив себя ребёнком, втайне от матери, сбегавшим смотреть на звёзды. – «Никуда он не денется. Завтра исключим».

- Заседание окончено, - буркнул он в сторону, сползая с глиняного черепка на тёплый песчаный пол в кладовке старого Иосифа.

***

Иосиф спешил; сын плотника должен был прийти за новой парой кожаных башмаков. Он тихо улыбался,

Ольга Романова

представляя, как обрадуется юноша, увидев его работу, как скажет: «Мир тебе, добрый Иосиф!»
Иосиф любил своё дело, как любил людей, для которых тачал он обувь.
- Добро, как семя, - любил говаривать он. - Посадишь его, взлелеешь и оно вернётся к тебе вкусным, горячим хлебом. Если каждый из нас будет делать добро, тогда и только тогда мир на земле возродится.
Тараканий стрёкот из погреба, тревожащий с утра, утих, уводя с собой преходящее, настойчиво-навязчивое, суетливо-мешающее его работе. Земная мысль, коснувшись лица Иосифа, растворилась в блаженной улыбке:
- Опять, поди, меня исключают. Надо бы дать им крошек....
Солнце клонилось к закату. Бедные стены окрасились золотом; время, всегда быстротечное, словно замедлило ход в ожидании гостя.
В дверь постучали.
- Мир тебе, добрый Иосиф.

Пенза, 2017

Два часа на жизнь

Ныне модно встречать свободу сардоническим смехом, отдавая ей должное как вышедшей из употребления ветоши. Я не подвержен моде и полагаю, что без свободы ничто не существует в мире; она даёт цену жизни; окажись я последним из её защитников, я не перестал бы возвещать о её правах.
Шатобриан

Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе.
(Рим. 8.15)

Ольга Романова

Закат кричал малиновым койотом, надрывно, над замершей в ожидании ночи могучей прерией. Красные всполохи, как пламя далёких костров, рвали притихшее небо безумной пляской равнинного ветра. Все краски жизни разметались над степью, словно в последнем вздохе, последнем прости. Свободные твари свободного мира готовились перейти рубеж, неистово воя о чём-то неведомом, изначальном. Многоцветие звуков вечерней молитвой славило Бога.

Мир уходил во тьму. Жизнь ещё трепетала хором цикад и уханьем сов, но, всё тише, настороженно прислушиваясь к дыханью ночи, холодным туманом, спускавшимся с гор, всё ближе…, вот уже сумрак земли тихо поднялся к небу, чтобы накрыть, успокоить малиновый крик. Небо погасло, вспыхнули звёзды. Всё замерло в благоговейном «ах!» и сон, священный дар богов, рассыпал призрачный эфир над спящею землёй. Богиня-Мать, чуть слышным эхом, баюкала младенца: «Усни, малыш…». Мир успокоился.

Бесконечная радость переполняла юношу, лежащего на каштановых почвах Великих равнин в безбрежном океане звуков, таких же древних как сама жизнь. Счастье стучало: «Жи-ву!» Вся история рода, издревле населявшего земли южных равнин, существовала в нём здесь и сейчас, словно бы он воспарил над миром как птица, не знающая границ. Сила священных гор, билась в его груди, поднимаясь всё выше… Крик опьянённой души, вырвался наружу, пересекая пространство и время:

- Я свободен!

Чёрный мустанг, пасшийся неподалёку, вздрогнул, поднял красивую голову и удивлённо посмотрел на юношу, настороженно прислушиваясь всё ли в порядке с другом.

- Я свободен, понимаешь, Призрак, я свободен!

Молодой апачи, прозванный за бесстрашие, Белым Орлом, смотрел на расшитое мириадами звёзд одеяло Великого

Ольга Романова

Духа, чувствуя своё единение с каждой песчинкой здесь и в мирах, за пределами зримой вселенной. Обнажённое тело цвета осенней травы было наполнено жизнью. Духи благоволили ему. Сегодня он выследил стадо бизонов, такое большое, что ржавая умбра мохнатых тел покрыла весь горизонт до самого неба. Завтра Большая Охота, где он, Белый Орёл, будет охотиться с мужчинами своего племени как равный, впервые в жизни.
- Я стану мужчиной! Моё тело покроют жертвенной охрой, и я надену свой эш[1] и Поющий Тростник…, - глаза юноши наполнились влагой, - станет моей.
Чёрный мустанг, здоровый трёхлеток, способный следовать за солнцем по бескрайней степи презирая жажду, усталость и время, осторожно приблизился к мальчику, пытаясь сквозь шум человеческой речи почувствовать мысль.
Мягкий бархат ноздрей коснулся лица молодого апачи.
- Мы с тобой - одной крови[2], - шепнуло дыханье коня.
Юноша улыбнулся.
- Спасибо….

Пронзительный вой сирены ворвался в тихую ночь криками смерти:
- Ваше время истекло! Р-49! Ваше время…
- Нет!!! Не сейчас!!!
Призрак исчез оставив след последнего вздоха на мокрой щеке.
- Ваш аккумулятор заряжен, - резал металлический голос.
– Все системы проверены и готовы к работе. Уборка улиц десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать. В случае опоздания, вам грозит штраф – лишение «Жизни» на две недели.
Р-49 - робот нового поколения, почти человек, испуганно вздрогнул: «Только не это!»

Ольга Романова

Всё что угодно, только не разлука с Призраком, миром, ради которого он жил. Там он был человеком, свободным от механических пут, бездушного чрева покорного воле людей.
- Я обязательно вернусь!
«Жизнь» - компьютерная программа для человекоподобных роботов, виртуальный мир, созданный по земному подобию, мир без надзора, где робот имел своё имя и судьбу со множеством вариантов развития. Р-49 мечтал о свободе и выбрал судьбу индейского мальчика из племени гордых апачей.
Создание в 2070 году первого человекоподобного робота было встречено великим ликованьем масс. Адам до падения, несбывшийся идеал человека разумного, добрый, отзывчивый, умеющий сострадать. «Робот с душой», - писали о нём газеты. «Послушный раб», - радостно потирали руки торговцы. Кто-то увидел в нём друга, доброго самаритянина, готового понять и простить, но большинство увидело лишь то, чего желало их остывшее сердце: безропотного раба, того, кто возвысил бы их став меньшим самого меньшего в мире людей.
Все были счастливы (каждый по-своему) ровно до первого прецедента, первого сбоя: полного отказа системы по причине «превышения положенного уровня стресса», попросту говоря, степени допустимого унижения, заложенного в машину. Робот просто сгорел, не выдержав крайне жестокого к себе обращения. Тогда-то, впервые, люди и задумались о некой «отдушине» для машин, альтернативной реальности, где робот, подобно человеку разумному, мог быть свободным и жить в виртуальном пространстве так, как считал для себя правильным. Создатели решили, что, лучше дать «почти человеку» творить свой собственный мир, чем пожинать плоды человеческой жестокости в виде бунта машин. Каждому

Ольга Романова

роботу было даровано право на «Жизнь» (два часа в день) как награда за труд и покорность хозяину.
Р-49 был роботом-уборщиком в компании «WC», специализирующейся на уборке улиц, в квартале Дефанс. Двадцать два часа в день, пока хватало заряда, он убирал за людьми без перерывов и выходных. По просьбе компании, владевшей машиной, такие слова как «право», «свобода», «воля», были удалены из лексикона уборщика «для защиты господ от возможного непредсказуемого поведения потенциально опасной вещи».
Впервые в жизни робот позволил себе мечтать; освобождая город от человеческой скверны, он мечтал о возвращении к Призраку, представляя, как утром, едва забрезжит рассвет и ветер раздует пожар на спящем востоке, и дым от святого костра накроет остывшую землю, они помчатся навстречу новому дню….
Он так увлёкся, что не сразу заметил толстого господина в белой, тончайшего шёлка тоге выходящего из коляски робота-рикши.
- Смотри, куда прёшь, чёртов ублюдок! – взревел человек, больно ударившись ногой в золотых сандалиях о швабру Р-49.
- Простите, господин, я задумался.
- Задумался?! А право на это у тебя есть? Кто ты такой? Ты – всего лишь большая швабра с глазами! Твоё дело не думать, а, он смачно сплюнул на чистый асфальт, - работать!
Р-49 покорно вытер плевок, стараясь лишним движением не раздражать грозного господина.
- Я был не прав, господин. Простите.
Смирение робота лишь усилило гнев человека.
- Скажи свой серийный номер. Я напишу твоему господину, чтобы тебя лишили «Жизни» на месяц.
Сознание Р-49 помутилось: «Только не это».

Ольга Романова

- Смилуйтесь, господин! «Жизнь» - это всё, что у меня есть…
- И отлично! – зло улыбнулся толстяк. – Будет тебе наука! Номер! Скажи мне свой номер!
Боль пронзила холодное сердце машины. Р-49 чувствовал, как перегорают и рвутся титановые струны в железной груди. Ноги его дрожали; он вынужден был опереться о швабру, чтобы не упасть от навалившейся слабости. Робот готов был расстаться с жизнью, и сделал бы это с радостью….
- Нет, - слово само вырвалось из глубины механического сознания, как защита от ужаса, парализовавшего его. Неслыханная дерзость раба испугала толстого господина. Его волосатые подмышки вспотели от мысли, что «тварь» посмела сказать ему: «Нет».
- Бунт?! – взвизгнул толстяк, по-женски намахиваясь пухлой рукой на Р-49. – Ах ты…!
- Оставьте его.
Толстый господин вздрогнул и быстро обернулся на голос. В метре от себя он увидел белобородого мужчину в длинной преподавательской тунике с вышитым на груди знаком начальной школы. От вида Учителя, выражение испуга на жирном лице, сменилось гримасой презрения. Подлая душа, соприкоснувшись с душой благородной, тут же прикрыла свой срам обрывком величия, купленного по случаю на распродаже. Выставив вперёд правую ногу, толстяк принял вид человека, стоящего неизмеримо выше «бедного неудачника».
- Что вы сказали? – спросил он надменно.
На мгновенье, жалость к смешному человечку, взрывом сверхновой, вспыхнула в бездонных глазах Учителя, но, тут же погасла споткнувшись о зло, камнем лежащее на сердце умирающего робота.

Ольга Романова

- Я сказал, оставьте его, - повторил он спокойно. - Бедняга напуган, ещё немного и его процессор сгорит от отчаяния….
- И что же?!
- Вы ведь торговец (насколько я могу судить по вашим пошлым сандалиям), и раз вы торговец, вы должны знать, чем грозит порча чужого имущества. Этот робот - собственность компании и я не думаю, что они будут рады, узнав, что кто-то убил их раба.
Толстяк недовольно поёжился.
- Он ударил меня!
- Вы лжёте! Я видел, как вы нарочно споткнулись о швабру и готов засвидетельствовать это в суде…
- Вы станете защищать машину?! - задохнулся толстяк. – Не меня, человека?!
- Я буду защищать того, у кого есть сердце.
- Да как вы смеете! Я буду жаловаться! Я дойду до Сената!
- Как вам будет угодно.
Посчитав на этом разговор оконченным, Учитель отвернулся от разгневанного торговца. Униженный толстяк отправился прочь браня на чём свет «заступника убогих» и «чёртова робота» посмевшего сказать ему: «Нет».
В благоговейном восторге Р-49 смотрел на спасителя. Он бы расплакался если бы у него были слёзы, но они не входили в его комплект, потому что вечно плачущий робот был никому не нужен.
- Спасибо, мой господин.
Учитель грустно вздохнул.
- Мне стыдно за людей. Кем мы стали? Грязные паразиты, живущие за счёт других. Он думает, дослужился до тоги с золотыми сандалиями и все должны пасть ниц перед его ничтожеством? Несчастный глупец. Рабство калечит людей; мы утратили самое ценное в жизни: любовь.
- Что такое любовь?

Ольга Романова

- Это жизнь, начало и конец нашего существования.[3]
- Он хотел лишить меня «Жизни».
- Он считал, что имеет на это право.
- Вы спасли меня, мой господин. Как мне отблагодарить вас?
- Не называй меня господином – это и будет твоя благодарность. Как твоё имя и кто твой хозяин?
- Р-49, робот-уборщик к вашим услугам. Мой хозяин, господин Вольф – старший управляющий компанией «WC»; вся информация записана здесь, - он указал на лазерное клеймо на щеке.
Учитель нахмурился.
- Я – всего лишь бедный учитель. И всё же…. Я поговорю с твоим хозяином. Не думаю, что компании нужен скандал. Для жадных торговцев прибыль дороже чьей-то поруганной чести. Тебя не накажут.
- Спасибо….

Шёпотом утро коснулось земли: «Проснись…». Золотое копьё Великого Духа пронзило зловещую тьму, прогоняя ночной кошмар холодным, беззубым ртом сосущий жизнь из горячего сердца. Юноша, в страхе, открыл глаза. Глубокая синь, от края до края, простиралась над ним. Там, в глубине, где небо касалось звёзд, белый орёл криком приветствовал бога.
Призрак, почувствовав страх, приблизился к другу и ткнул тёплой мордой в плечо молодого Орла: «Что-то случилось?»
- Мне снился кошмар. Будто, я – пленник в уродливом мире людей, продавших душу демону Вечного Голода. Я был в преисподней, я видел их, бледных как смерть. Они живут на мёртвой земле, внутри миража, не видят звёзд, потому что не смотрят на небо, не слышат голоса ветра, потому что глухи для песен Великого Духа. Они не знают любви, боль ближнего для них - естественная радость. Их

Ольга Романова

мир смердит, там нет ни дня, ни ночи, - лишь вечный сумрак подсвеченный тысячью глаз стоглавого демона. Они всегда голодны и всегда одиноки. Им важно казаться - не быть, их жизнь - пустота и уродство. Они смеются над чистым, презирают тех, кто не с ними, ненавидят свободу и боятся Любви. Я слышал их хохот: так смеётся койот в поисках жертвы. Слава Великому Духу! Он явился мне в образе мудрого старца и вывел меня из Шибальбы[4].
Солнце всходило над миром гордым оленем; золотые рога пронзили небесный свод и Слово покрыло бескрайние долы и каждую тварь, живущую под небом.
Мальчик вскочил на коня.
- Я свободен!!! – крикнул он что есть мочи.
- Свободен, свободен…, - вторил ему голос Великого Духа.

Пенза, 2017-2019

1. Эш – надбедренная повязка индейцев.
2. Мы с тобой - одной крови. – Р. Киплинг «Маугли».
3. Любовь - начало и конец нашего существования. – Конфуций
4. Шибальба – название преисподней у майя.

Число зверя

- Ю-ю-ур, не знаешь, что с одноклассниками? Не могу войти. Пишет: «Зере воз энанексктед эррор виз юр регуест, и дальше плиз…»
- Блин! Юль, у меня самого полный «эррор». Все мои фантики, собранные с таким трудом для Розовой Королевы, накрылись вместе с тринадцатым уровнем.

Ольга Романова

Молодой архитектор, двадцать шести лет отроду, удобно устроившись на своей половине кровати, хмуро смотрел на тёмный экран айфона в салатовом бампере.
- И на фейсбуке та же история, и в инстаграмме, - не слыша мужа, ныла Юлька, тыча в новый смартфон указательным пальцем с длинным, чуть загнутым книзу ногтем, надёжно укрытым под слоем красного лака. - Может меня взломали? А «ВКонтакте»? У тебя вконтакте работает?
- Сейчас посмотрю, - нехотя отозвался Юра, выходя из зависшей игры.
После нескольких безуспешных манипуляций, вспомнив недобрым словом провайдеров, хакеров и чёрт знает кого ещё, он обречённо ответил:
- Полная жопа.
Подумав, добавил:
- Знаешь, что, позвоню-ка я Генке. Он-то уж точно в курсе, что творится с сетями.
Юлька скривила тонкие губы в капризную гримасу.
- Пропал вечер, - обречённо вздохнула она, в сердцах отбрасывая недавнюю зависть подружек новый российский «Хоррор» (шестидюймовый смартфон украшенный крупными стразами с обновлённой «Алисой» внутри: верной, отзывчивой, умной).
Двадцати пятилетняя продавщица в магазине «Магнит Косметик» по прозвищу «а Баба Яга против»[1], приклеенному к ней случайно новой уборщицей, умной и едкой женщиной предпенсионного возраста, за вечное: «А я не согласна…,» - с хорошей фигурой и кукольным лицом, сидела на супружеском ложе в позе «Алёнушки»[2], размышляя о несправедливости жизни. Минуты без светских сплетен показались ей вечностью. Чтобы чем-то занять страдающий ум, Юлька включила плазму.

Ольга Романова

- Ну хоть телек работает, - выдохнула она. – Ну что там твой Генка?
- Говорит, что кто-то очень умный и злой создал вирус, убивающий сети. Не только у нас.
Юра был зол не меньше жены. Быстро лысеющий от жизни дом-офис-жена, с выпуклым лбом, приплюснутым носом, полными, влажными губами и взглядом мыслителя, он сидел по-турецки, в красных трусах, пытая осмыслить полученную информацию. Хорошая работа в архитектурном бюро с броским названием «Мир» не добавила мира в его семью.
- А что в новостях?
- В наших, - с презрением в голосе, ответила Юлька, - как всегда – ничего.
- Найди Евроньюс, - посоветовал Юра жене. - Кажется, я его на сорок четвёртый поставил.
Юлька бросила пульт на половину супруга и раздражённо сказала:
- Вот сам и ищи свой «ньюс». Вечно всё куда-то затырит, а я потом ищи….
Юра подумал отшутиться: «Слушаюсь Ваше Величество,» - но, решил, что на вечер проблем достаточно и просто, молча поднял «лентяйку».
«…Паника усиливается. В два двадцать два ночи по Московскому времени, неизвестный вирус атаковал социальные сети по всему миру. Что это? Ответные меры Москвы на непрекращающиеся санкции, заговор спец. служб или новая форма терроризма? Что означают эти цифры: двадцать второго февраля две тысячи двадцать второго года, два двадцать две после полуночи? Что вы на это скажете, профессор Лейбман?» – допытывалась ведущая новостей у лысого мужчины в жёлтом костюме и коричневых, круглых очках.

Ольга Романова

«Давайте начнём с чисел,» - тактично обошёл коварные вопросы профессор. – «Мне кажется, ответ очевиден: троичная система двоек, в нумерологическом исчислении, даёт нам самое известное в мире число - число Зверя. Смотрите, двадцать второе февраля, складываем двойки, получаем первую шестёрку. Далее, складываем год и время. Три шестёрки – число Зверя».
«Вы считаете, наступил апокалипсис?»
«Ну, я бы не стал драматизировать…»
- Выключи эту чушь! – фыркнула Юлька. – У них всегда апокалипсис, когда сказать нечего. Я совершенна не согласна с дурацкой теорией….
- А я, поверил. Хлопнуть напоследок дверью, это как раз в стиле тупых…, - Юра посмотрел на светлые волосы жены, - китайцев. Планета гибнет. Апокалипсис? Почему бы и нет?
- Ты что, совсем уже того? Пол России сейчас рыдает, а он…. Человек без интернета, это как…, - Юлька лихорадочно подбирала подходящее сравнение. – Как…, ногти без маникюра, - победоносно заявила она, радуясь, что так удачно поставила мужа на место.
Юра посмотрел на бритые ноги жены, бесстыдно манящие чистой, блестящей кожей цвета топлёного молока, на упругие бёдра, едва прикрытые прозрачным пеньюаром и глупо улыбнулся в ответ. Взволнованная, пахнущая дорогим шампунем, она воскресила в нём убитые чувства.
- Юль, а может и нам устроить апокалипсис в отдельно взятой спальне? А-то, давненько мы… ничего не ломали.
- Только как я люблю, - неожиданно быстро согласилась Юлька. Бросив тоскливый взгляд на замерший «Хоррор», уже в обычной для себя стервозно-певучей манере добавила, - све-ет потуши-и-и.
Будильник прозвенел как всегда некстати. Юра открыл глаза и впервые за долгое время, без раздражения,

Ольга Романова

отключил надоедливый гаджет. Юлька ещё спала, прижавшись к нему, по-детски, причмокивая во сне. Её рука лежала на его груди, тонкая, белая, почти прозрачная.
- Вставай, красавица, проснись, - тихо шепнул он в розовое ушко жены. – Пора на работу.
- Ну…, - Юлька крепче прижалась к мужу. – Не хочу-у-у….
Нежданный «Зверь» подарил им волшебную ночь полную прежней страсти, давно сбежавшую из семьи из-за вечных разборок по пустякам и толпы виртуальных френдов, подглядывающих за ними online сквозь телефонную скважину.
- Да здравствует «Зверь», - зашла вдруг порочная мысль в свежую, после ночи, голову архитектора.
Правда, неправильная мысль сразу была атакована стаей блестящих фантиков, но сладкий привкус почти забытого счастья остался.

На Юлькиной работе только и было разговоров что про вирус и «потерянную жизнь»; полупустой «Магнит» обсуждал главную новость страны. Версии одна безумней другой накалили пропахший парфюмом воздух до опасных значений.
- Это всё проделки спец. служб, - бубнила из-за кассы тощая, некрасивая Анька с короткой стрижкой «под мальчика».
- Людей превращают в дебилов! – возмущалась уборщица Лидия Ивановна, полгода назад, уволенная из школы «по сокращению». – Если Россия и дальше будет двигаться этим курсом, то ещё лет через десять не останется и тех, кто сегодня хотя бы изредка берёт в руки книгу. И мы получим страну, которой будет легче править, у которой будет легче высасывать природные богатства. Но будущего у этой страны нет![3]

Ольга Романова

Непонятная речь «старой девы» не была услышана массами. Бывшая учительница математики считалась странной. Молодые сотрудницы «Магнита» сторонились её, не понимая многого из того, что она говорила, директор побаивался; едкие замечания в адрес новой системы жизни, пугали его. Предполагалось, что у неё единственной из всего коллектива не было интернета. Как многие, рождённые в СССР, Лидия Ивановна хранила верность понятным кнопочным телефонам так же, как хранила верность стрижке «Сэссун», розовой помаде и вечно юному аромату духов «Climate».

- В одноклассниках хоть пообщаться можно, новости узнать. А что теперь? – вставила свой голос недавно принятая в штат молоденькая продавщица.

- И не говори, - вздохнула Юлька, впервые обратив внимание на новенькую. - Хоть в петлю лезь.

Отчаявшись навести порядок, директор «Магнита» Армен Багирович Аганесян тоже включился в беседу.

- Если бы это было везде, кроме нас, - с видом заговорщика проговорил Армен Багирович, - тогда, безусловно, это спец. службы. А так…, - он достал носовой платок и вытер им вспотевшую лысину. – Вы только не смейтесь… Думаю, это они…, пришельцы из космоса. А что? Они на нас опыты ставят. Вначале, подсадили всех на интернет, а теперь, его отключили. Представляете, как ломает сейчас миллиарды в категории шесть плюс по всему миру! Вот увидите, сотни тысяч покончат с собой, а какой-нибудь умник с Альфа Центавры, спокойно напишет диссертацию на тему «Как манипулировать неразвитой расой людей».

Абсурдная мысль произвела достойный эффект. Девушки замолчали. Даже Лидия Ивановна перестала вымещать свой протест к современному обществу на швабре и с

Ольга Романова

видом врача, приехавшего к больному белой горячкой, уставилась на директора.
Своё коронное: «А я, лично, против,» - Юлька оставила при себе, отметив лишь, что Армен Багирович лыс и сильно потеет при волнении, а у Лидии Ивановны лицо густо обсыпано пудрой. «И почему я этого раньше не замечала?» - думала она, скользя придирчивым взглядам по лицам знакомых и таких незнакомых людей. – «Они такие прикольные».
Инопланетная версия случившегося добила и без того расстроенных работниц «Магнита». Не найдя в себе сил на дальнейшее обсуждение новости века, все разошлись по рабочим местам. День был потерян.
- Ты представляешь! –в один голос сказали супруги встретившись дома за ужином. – Оказывается….
- Ладно, - неожиданно для себя, уступила Юлька. – Ты первый.
- Помнишь, я рассказывал тебе о нашем усатом начальнике, Петре Петровиче Звереве? Он чем-то на Гауди похож, только без бороды, - он вдруг подумал, что жена не знает кто такой Гауди, - неважно. Мы его ещё Зверем прозвали, за строгость. Как с женой развёлся, совсем спасу не стало. Выговор мне влепил…, а я всего лишь на пол часа опоздал….
Архитектор понял, что прокололся. Довольная Юлька, как сытая кошка поймавшая мышь, зло ухмыльнулась.
- Это когда ты пришёл на три часа позже и мы не поехали к маме? Ты сказал, что у вас на работе чп. Ты что мне совра-а-ал?!
- Юль, только не начинай, - взмолился мужчина. - По сути, я сказал тебе правду. Меня наказали – это и было чп, а у твоей мамы мы и так каждые выходные бываем….
- Теперь тебе и ма-а-ама моя не нравится?!

Ольга Романова

- Да послушай же! – Юра решил не сдаваться. - Этот мужик - ходячая энциклопедия! Оказывается, раньше Чистые пруды назывались «Погаными» из-за отходов, которые регулярно туда выливались.
- И что-о-о?!
- Ничего. Он спас нам день и теперь его все почтительно величают Петрович. А что у тебя?
Юлька, засунув мужнин прокол, как туза, внутрь ажурного лифчика, молча встала из-за стола и покинула кухню.
- Ничего интересного. У нашего директора лысина потеет,
- донёсся её обиженный бубнёж из глубин коридора.

Без «Одноклассников» и «Фейсбука» было не просто скучно, а ску-у-учно до мозговых судорог. Без одобрения виртуальной толпы всё казалось неправильным и лишённым смысла. Ощущение было такое, как будто тебя взяли и стёрли из жизни. Чувство растерянности, как и желание выместить непонятную злость на ком-то более слабом, возрастали в прогрессии с каждой прожитой вне «жизни» минутой.
Лишённая родного и понятного цифрового пространства, несчастная Юлька с отвращением смотрела на серый, безрадостный мир за окном московской многоэтажки. Мир реальных людей – скучный и пресный до обморока, не встречая преграды из фантиков, эльфов, светского трёпа и лайков, нагло протягивал руки в уютное гнёздышко семьи Ляпиковых.
Все новостные каналы, с садистской радостью, смаковали несчастья людей, загнанных «Зверем» в тёмные дебри реальности.
Юра тихо вздыхал и крыл, не стесняясь жены, того, кто обрушил жизнь на планете Земля.

Ольга Романова

Все СМИ, единодушно, назвали злосчастный вирус «самой масштабной катастрофой двадцать первого века». За несколько дней цифровое исчадие ада причинило бед больше, чем все локальные войны нового века. Срочно созданный совет по компьютерной безопасности назначил награду в триллион долларов тому, кто обезвредил бы «Зверя» и нашёл преступника, создавшего его. Но всё было тщетно.

Жизнь, охромев на обе ноги, тихо плыла в мутном потоке человеческого отчаяния, и даже солнечный март, аномально тёплый в этом году, не смог пробудить в потерянных душах надежду.
- Если кто-то хотел Апокалипсис, он его получил, - невесело усмехнулся Юра, бесцельно таращась на белые, поливинилхлоридные облака Юлькиной «довирусной» реновации: натяжного потолка фирмы «Мечта».
Не отрывая головы от диванной подушки, он перевёл глаза на запылённую полку с книгами, чудом выжившую в череде генеральных уборок супруги и грустно вздохнул.
- Может усну, - с надеждой подумал он, выбирая книжку потоньше.
Выбор пал на Пушкина. «Наше всё,» - вспомнилась ему избитая фраза.
- Всё – так всё, лишь бы не было скучно….

Поэт! Не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдёт минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один…[4]

Ольга Романова

Он поймал себя на мысли, что тянется рукой к айфону, чтобы поделиться с друзьями поразившими (до мурашек) строчками.
- Совсем забыл….
За отсутствием виртуальной поддержки, Юра отправился в спальню к жене, не в силах сдержать нахлынувший восторг.
- Это ты что ли царь? – не взглянув на мужа, бросила Юлька, в третий раз, с остервенением, перекрашивая ногти на левой руке. – Чем стихи писать, лучше бы мусор вынес.
- Дура, - обиделся Юра.
Хлопнув дверью, он вернулся в гостиную, снова улёгся на мягкий диван и с головой погрузился в волшебный мир Пушкина. И почему он бежал этих строк, чистых, прозрачных, исполненных высшим, божественным смыслом и легкозвучной гармонией? Не было времени? Чушь! Это к старости время летит, уплотняя ряды пахнущих тленом дней на лысеющем поле отмеренной жизни. В детстве, Хронос приходит к тебе отобедавшим змеем, и ты проклинаешь ленивую гадину за смертельное сонномушье и остановившийся полдень над своей головой.
Первая компьютерная игра, подаренная ему озабоченной его пубертатом матерью, помогла убить поганого змея. Часы превратились в секунды, «дитё было дома», все были счастливы.
Он не поднялся с дивана даже на женино призывное: «Ю-ю-ур,» - с супружеского ложа. Магия Слова, прикоснувшись к душе, не отпустила его; словно слепец, обретший чужое плечо, он вошёл в таинственный мир неразгаданных смыслов, прекрасный и чистый в своей первозданности, мир, надёжно сокрытый от неимеющих.

Ольга Романова

Утром, в метро, он не был один. Рядом с ним, незримо, присутствовал Пушкин, любезно улыбаясь в ответ на глубокий поклон Толстого так же, незримо, оберегавшего от пошлости жизни кого-то в толпе полусонных людей.
В конце обеденного перерыва, больше похожего на поминки, Юра начал читать:

Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом…[5]

Ожившие лица товарищей стали ему наградой за бессонную ночь и утреннее недовольство жены. Те, кто хоть как-то учился в школе, начали лихорадочно вспоминать стихи забытого классика.
- Юрашек сегодня в топе, - тоном доброй барыни сказала толстая Ирка, представлявшая себя продвинутым блогером.
- А, я вот, тоже знаю из Пушкина, - вклинился в разговор субтильного вида парень с ником «Крутой1866735» в популярной онлайн игре «Адские тёлки»: «Белеет парус одинокий…»
- Это же Блок, тупица, - перебил его кудрявый стажёр.
- Лермонтов, - тихо поправил Пётр Петрович, блаженно улыбаясь в усы.
Спутать светоносного Пушкина с беспричинно тоскующим Лермонтовым[6], мог только невежда.

«Зверь» исчез так же внезапно, как и появился на свет, не оставив и намёка на существование. Двадцать второго февраля две тысячи двадцать третьего года все социальные сети воскресли вызвав не меньшее смятение в некрепких умах людей, за год успевших отвыкнуть от

Ольга Романова

жизни online. Никто из потенциальных создателей так и не взял на себя ответственность и славу за вирус. СМИ говорили о новом сверх гении; кто-то сравнивал его с Banksy[7], кто-то пророчествовал о новом Леонардо, - так или иначе, обрушивший мир хакер пожелавший остаться неузнанным, найден не был.
«…Можем ли мы, перефразируя известную фразу, сказать: «Жизнь умерла – да здравствует жизнь?» - скрипел из приёмника чей-то прокуренный голос.
Юра, блаженно улыбаясь весеннему, тёплому солнцу, варил свой утренний кофе; бодрый, подтянутый, он впервые за долгое время был счастлив.
Его холостятская квартира, купленная в кредит после развода с так ничего и не понявшей Юлькой, представлялась ему заслуженным «Болдиным», дарующим покой и надежду на долгую, исполненную смыслами жизнь. Над столом, доставшимся в наследство от прежних хозяев, прямо на выгоревших обоях, чёрных маркером было начертано: «Ты царь: живи один!»
- Да здравствует жизнь, - повторил он за диктором и снял с плиты кофе.

Майское солнце, счастливое счастьем прошедших сквозь русскую зиму людей, всеми оттенками вечного звучало в венчальных уборах целомудренных вишен в парке «Коломенское».
Двое немолодых людей, растворённых в благозвучие великолепного утра, шли по аллее в сторону набережной Москвы реки наслаждаясь каждым мгновением жизни. Внимательный взгляд, внезапно выпавшего из «сетей» прохожего, заметил бы некую ауру или тайну, едва заметным дрожанием ветра, отделявшую их от мира. Так любовники, познавшие зависть толпы, хранят себя в

Ольга Романова

тишине, прикрывая холодной маской пристойности внутри пылающий огонь неистребимой страсти.
- А, ведь эта милая церквушка[8] строилась с мыслью о Елеонской горе, - тоном влюблённого в профессию экскурсовода, заметил мужчина, обращая внимание спутницы на шатровую церковь белым лебедем устремлённую ввысь.
- Ну, а что ещё можно поставить на месте, где сражался со змеем Георгий Победоносец? Только храм в благодарность за то, что мы ещё живы! – быстро ответила женщина, давая понять, что знает историю места. - Хотя….
От последнего слова, мужчина вздрогнул.
- Лидочка, прошу тебя остановись. Честное слово, я уже боюсь твоих многозначительных «хотя».
Лидия Ивановна пожала плечами.
- Как скажешь, Петро, - и будто вспомнив о чём-то хорошем, встрепенувшись, добавила. - А ведь здорово вышло. Ну, скажи. Здорово же всё получилось у нас.
- У тебя, - поправил подругу Пётр Петрович. – Я не такой талантливый. Да и в компьютерах мало что смыслю.
Лидия Ивановна довольно заулыбалась. Невысокого роста, в белом спортивном костюме и красной бейсболке она казалась моложе своих шестидесяти. Обладательница «мальчиковой» фигуры, делавшей её похожей на дожившего до пенсии Гавроша, не пряча счастья на загорелом под майским солнцем лице, наслаждалась заслуженным отдыхом.
- Это магия, Пётр. Ты же знаешь, цифры – всего лишь….
- Не надо, Лидусик, я всё равно не пойму. Что сделано, то сделано.
Пётр Петрович тоже был счастлив. В кои-то веки он в любимом Коломенском, в модном синем костюме в полоску, гуляет с потрясающей…. «Нет,» - поправил себя мужчина, - «любимой женщиной».

Ольга Романова

Как давно это было: май, цветущие вишни и юная Она, только что с отличием закончившая Ломоносовский. Он и звал её уважительно «наш Ломоносов в юбке».
- …Я только одного не пойму, зачем ты убила Его? Твои бессонные ночи, твой гений в конце концов…, всё, получается, было напрасно?
- Ну почему же напрасно? Даже ради одного взявшего в руки книгу игра стоила свеч. К тому же, Он не убит. Я лишь надела на «собачку» намордник. Если что….
- Я так и думал. Ты в субботу свободна? – Пётр Петрович перевёл разговор на мирные рельсы. – Купил пару билетов в Большой.
- Онегин?
Мужчина кивнул. Лидия Ивановна благодарственно сжала его запястье.
- Ты меня балуешь, котик.
- Какое там…, - спокойно ответил ей спутник, накрывая тёплой ладонью её изящную руку. - Пойти с любимой женщиной в театр – для меня это счастье.
Они гуляли по набережной. Слегка располневший за зиму Пётр Петрович, на память, читал ей Пушкина, несправедливо сброшенного с «Корабля Дураков» как опасный балласт.
В воздухе пахло мёдом - дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога медленно опускался на землю.[9]

Пенза, 2019

1. …а Баба Яга против – название советского мультфильма.
2. …в позе «Алёнушки» - картина В. М. Васнецова «Алёнушка».
3. Если Россия и дальше будет двигаться этим курсом, то ещё лет через десять не останется и тех, кто сегодня хотя бы изредка берёт в руки книгу. И мы получим страну, которой будет легче править, у которой

Ольга Романова

будет легче высасывать природные богатства. Но будущего у этой страны нет. – С. П. Капица

4. А.С. Пушкин «Поэт»
5. А.С. Пушкин «Что в имени тебе моём?»
6. с его беспричинной тоской – А. Белый
7. Banksy – псевдоним английского андеграундного художника.
8. милая церквушка – Церковь Вознесения в Коломенском.
9. дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога - Откровение св. Иоанна Богослова (8:4)

Ольга Романова